

ЧЕРНЫЙ — ЦВЕТ ТЕХ, КОГО НЕТ

ХАННА УИТТЕН



«Великолепное
путешествие
по темному лесу».

ЭРИН КРЕЙГ

ДОЧЬ
для
ТРОНА

Диколесье

Ханна УИТТЕН
Дочь для трона

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уиттен Х.

Дочь для трона / Х. Уиттен — «Эксмо», 2022 — (Диколесье)

ISBN 978-5-04-181004-7

Рэдарис и Волк остановили вторжение Королей в мир людей, но дорогой ценой. Любимая сестра Рэд, Первая Дочь Нив, потерялась в Тенеземье, где веками томились в ловушке злобные боги. Но у Нив есть союзник: король-изгой Солмир. Он хочет уничтожить Тенеземье и уверен, что Нив – ключ к этому. А для этого им обоим придётся пуститься в опасное путешествие на поиски загадочного Сердцедрева...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-181004-7

© Уиттен Х., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Три года назад	6
Глава первая	9
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	30
Глава пятая	39
Глава шестая	50
Глава седьмая	58
Глава восьмая	68
Глава девятая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ханна Уиттен

Дочь для трона

© Н. Тигровская, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Каждому, кто отрастил шипы вместо цветов –
У вас были на то причины.*

*А это порождение тьмы – мой раб.
Уильям Шекспир «Буря».*

*Добавь второй источник света – и получишь вторую тень, это же
справедливо.
Ричард Сайкен, «Портрет Фредерика в неверном свете».*

Зеркальце, зеркальце...

Три года назад

Она не могла уснуть.

Ничего необычного в этом не было. Сон всегда давался Нив нелегко, даже в колыбели. Требовался целый вечерний ритуал из сказок и песен, чтобы ее маленькая версия задремала; нянечки сменялись в бесконечных циклах укачиваний и расхаживаний с крошечной Первой Дочерью на руках прежде, чем та наконец успокаивалась и засыпала.

Немного изменилось, в общем-то. Нив по-прежнему приходилось затирать рассудок до дыр, чтобы он смирился с передышкой, приходилось завязывать его такими узлами, что расходились нитки. Но ее это не сильно беспокоило, ведь сон часто казался ей тратой времени, драгоценных часов, в которые можно было бы работать.

Как сейчас.

Нив постукивала пальцами по одеялу, сотканному из мягчайшей пряжи на карсеканских станках и набитому нежным пухом рильтийских гусей. Плата за молебны в деле. Пожалуй, это была одна из лучших постелей в Валлейде – настоящее расточительство при том, как редко ее использовали.

Расточительство или нет, а сон приходит не собирался. Нив поднялась, бормоча проклятье.

Искать тапочки она не стала, несмотря на холодный пол. Камин в библиотеке никогда не гасят до конца; там будет достаточно тепло.

На прикроватном столике ждали свеча в оловянном подсвечнике и коробок спичек. Нив чиркнула одной – в прохладном воздухе поплыл запах серы – и поднесла огонек к фитилю. Осторожно толкнула дверь, стараясь не скрипеть петлями, и тихонько выбралась в коридор.

По пути она миновала пару стражников, будто бы задремавших в карауле – если те ее и заметили, то промолчали. Первая Дочь опять бродит по дворцу, ничего нового. Да, уже целый год она выбирается ночами из покоев и отправляется в библиотеку. Ищет любые обрывки сведений о Волках, лесах и Вторых Дочерях.

Сейчас она шагала тем медленнее, чем ближе подходила к комнате Рэд, будто бы откладывала решение, принимать которое на самом деле не было нужды. Раньше двойняшка присоединялась к ней в этих ночных вылазках, точно так же страдая от бессонницы. Но в прошлом году, после того, как им исполнилось шестнадцать, после... в общем, *после*, она перестала ходить в библиотеку с Нив. Перестала искать спасения от кошмарной Сделки, под гнетом которой родилась.

Что-то близкое к злобе закипало в животе у Нив от такой покорности. От того, как Рэд приняла неприемлемое. Возможно, сестра и правда считала, что все это во благо, но в самые темные мгновения Нив казалось, что та просто струсилась. Если судьба подбрасывает тебе нечто ужасное, как можно просто согласиться? Как такое вообще может прийти на ум?

Поэтому Нив продолжала ходить в библиотеку, продолжала тащить с полок любые книги, хотя бы мельком упоминавшие о Волках, или Королях, или пророчествах, или Сделках, и читать их от корки до корки. Может, Рэд и изволила шагать прямо в пасть чудовищу, но Нив собиралась заставить это чудовище подавиться.

Она сможет все исправить.

Хорошо зная, какой ее ждал бы ответ, Нив все равно ненадолго замерла у дверей сестры. Тишина в покоях за ними, тишина в коридорах, тишина в мягком сумраке, прорезанном лунными лучами из окна.

Нив вздохнула. И пошла дальше.

Библиотечные двери распахнулись перед ней от легкого толчка; петли на них всегда смазывали до блеска. Библиотека Валлейды была сокровищницей, что королевы пополняли

веками, – с редкими книгами и предметами искусства, часть которых и вовсе существовала лишь в одном экземпляре. Нив прошла внутрь, закрыла за собой двери и опустила свечу на стол. Подрагивающий огонек породил на полках затененные ниши, обратил все стулья в длинноногих паукообразных существ.

В камине слева от двери тлели угли, так что написанное маслом полотно над очагом казалось зловещим в их скудном свете. Нив рассматривала его, пока ворошила золу и будила небольшое пламя, посылая волны жара в стылую комнату.

Полотно было огромным, размером почти как пол в ее спальне. Темный фон, усыпанный яркими точками, соединенными бледными линиями. Карта созвездий.

Когда-то ночное небо завораживало Нив. Она и теперь чувствовала определенное родство с ним, хотя уже стала достаточно сознательной, чтобы понимать, как нездорово в ее возрасте мнить себя чем-то столь же темным и непознаваемым.

Нив была очень даже познаваемой. Она хотела простых вещей. Безопасности для сестры. Любящего человека рядом. Немного контроля над жизнью – сколько выйдет заполучить. Хотела выбирать и действовать, а не идти на поводу у внешних сил, меняя направление так же легко, как струйка дыма над погашенной свечой.

Огонь разгорелся; Нив отступила на шаг и прищурилась, глядя на карту. Она знала названия почти всех созвездий, выучила их здесь же, в библиотеке. Левиафан, Чумные Звезды, Сестры, Далекая Королева. Помнила и часть легенд, но сомневалась, что в них есть хотя бы зернышко истины, так сильно они разнились от страны к стране. В Ниохе Далекая Королева считалась вероломной дочерью, захватившей трон и погрузившей весь мир в войну; созвездие полагали дурным знаком. В Валлейде добрая и мирная легенда рассказывала о королеве, что воспитывалась вдали от дома, которому принесла потом годы процветания. А в Альпере люди и вовсе видели в узоре звезд не королеву, а кинжал.

Разрушение и возрождение, мир и война, и все вперемешку, и ни слова правды. Прищур Нив сменился угрюмым взглядом.

Она потеряла уставшие глаза тыльной стороной ладони и пошла к стеллажу, который сейчас разбирала. Выбрать три книги, выдернуть с полки, прижать к груди, будто щит, потом бесцеремонно свалить на соседний стол. Нив села, зевнула и открыла первую. Единственное издание, кожаная обложка давно потрескалась, страницы пропахли пылью. Буквы похожи на рукописные, а чернила местами выцвели до призрачной бледности.

Почти весь текст оказался оформлен как стихи. Нив сморщила нос. Конечно, не в ее положении было придирается, и все-таки ей с трудом верилось, будто важная информация может найтись в том, что более всего походит на чей-то старый альбом.

В самом деле, она сочла книгу бесполезной почти сразу, и уже наполовину закрыла обложку, когда ее взгляд выхватил случайную строку: *Пронизанной-Золотом, Сплетенной-с-Лесом.*

Нив тяжело сглотнула. Открыла книгу и принялась читать.

*Я слышала шепот в ветвях, и рассказали они,
Как на месте одной будут две, а две станут тремя.*

Одной быть сосудом – Королеве Теней, Держащей-Тьму.

*Двум отворять врата – Королеве Теней
и Пронизанной-Золотом, Сплетенной-с-Лесом.*

*Трем вершить судьбу трона – Королеве Теней,
Пронизанной-Золотом и Святой Изменнице,*

Свершившей-Богохульство.

– Бред, – пробурчала Нив в книгу. Захлопнула обложку с такой силой, что древние страницы выплюнули облако пыли. – Да пропади оно, Короли и тени.

В горле у нее пересохло и першило. Нив сложила руки на столе и легла на них лбом, оскалив зубы из-за подступающих разочарованных рыданий. Она была совсем не из плаксивых, но *такие* вещи всегда доводили ее до слез – трата времени, тщетные усилия, напоминания о том, как мало она способна сделать.

Нив один раз всхлипнула, едва слышно за шепотом очага, и постаралась подавить эмоции. Хотя бы это ей удавалось контролировать.

Немного погодя она встала, опираясь на стол, будто старушка, и направилась к дверям. Сегодня ей больше не поработать, бессонница там или нет.

Половина пути до выхода уже была пройдена, когда вспышка ярости в груди Нив затмила прошлый беспомощный гнев, что вызвал слезы. Она не успела подумать, что творит; просто метнулась обратно к столу, схватила никчемную книгу и швырнула в огонь.

Кожаная обложка пошла пузырями и лопнула, ветхая бумага занялась, комнату наполнила едкая вонь. Книга распахнулась, будто выгнувшись в агонии, и начала таять на глазах, превращаясь в жуткое количество дыма. Разрушительная сила пламени перебирала ворох страниц. Нив успела заметить линии полусожженных букв на задней обложке – *T, H* и *A*.

Она ушла прежде, чем книга догорела.

Снова проходя мимо покоев сестры, Нив глядела в окно на другой стене и убеждала себя, что это вовсе не от нежелания видеть закрытые двери и думать о том, как за ними спит Рэд, пока часы неумолимо приближают время, когда ее не станет.

Почти везде в городе уже давно погасили свет, полуночное небо раскинулось над улицами темным полотном с дырками звезд. Благодаря ясной погоде были хорошо заметны созвездия, и Нив почти неосознанно замерла, обводя взглядом мерцающие узоры.

Горизонт скрывал половину Сестер. Одна из фигур еще виднелась, тянулась рукой ко второй, спрятанной за выгнутым краем мира.

Под этим углом казалось, будто она пытается достать ту из-под земли.

Глава первая

Нив

Между деревьями что-то двигалось.

Нив прекратила бежать, врезавшись в ствол с такой силой, что из легких выбило воздух. Она чувствовала себя полубезумной, и выглядела так же, удирая из башни в этот кошмарный пейзаж, в котором деревья росли вверх тормашками и все было черным, белым и серым.

Тенеземье. Тюрьма для чудовищ, тюрьма для богов. Подземный мир, полумир, тьма, закованная под Диколесьем.

В этом виделся свой извращенный смысл. Лес пожрал Рэд, а его изнанка пожрала Нив.

Несколько минут назад она проснулась в стеклянном гробу, проснулась с налитыми чернотой венами и замутненным рассудком. И *он* был там. И Нив не успела подумать, не стала тратить ни секунды на выяснения и объяснения. Просто выскочила прочь из этого гроба и побежала.

А теперь, конечно, немного об этом жалела.

Она постаралась отдышаться и унять хрип в горле, чувствуя подступающую панику из-за того, что увидела в лесу – *можно ли называть это лесом, если деревья все перевернуты?* – на своем пути. Оно было слишком большим, чтобы рассмотреть его целиком, только смутные шевеления серости меж белых стволов выдавали медленное тяжеловесное нечто.

У Нив уже почти перестало беспокоить сердце, когда на ее запястье сомкнулась рука, предвеляя резкий шепот на ухо.

– И куда это, – прошелестел Солмир, – ты собралась, Нивира?

Она инстинктивно дернула локтем назад, рассчитывая попасть ему в какое-нибудь уязвимое место – если таковые существовали; тело мужчины, прижавшего ее к себе – жилистое, все из острых углов и жестких граней, – было будто лезвие ножа. И все же ее тычок заставил Солмира хрипло выдохнуть, скорее от удивления, чем от боли, но Нив это обнадежило достаточно, чтобы выбросить назад ногу в попытке наступить ему на сапог.

– Ради всех бездушных Древних, ты же *босая*. – В голосе у него звучало прежде всего раздражение. Он все так же едва слышно говорил ей прямо в ухо. – Ты правда думаешь, что...

Шепот прервался новым хрипом, когда кулак Нив врезался в его бедро.

Ей это принесло не меньше боли, чем, судя по звуку, ему, и Нив оскалила зубы в резком злобном возгласе. Он был негромким, но в странной тишине этого места разлетелся эхом.

Солмир застыл и метнул взгляд от нее к существу в глубине леса, что все еще медленно извивалось меж деревьев. Потом резко зажал ей рот ладонью.

Нив забилась в его захвате – она лучше испытает судьбу, минуя ту тварь в опрокинутых деревьях, чем станет терпеть его так близко. Солмир пресек все ее попытки царапаться, обвинив ее второй рукой за талию, прижав ей локти к ребрам и резко притянув ее за поясницу к своим бедрам.

– Слушай, – забормотал он ей в ухо, и, тени его раздери, звучало это так, словно он пытался ее успокоить. – Я знаю, что ты меня не выносишь. И пусть. Но, клянусь, вынести то, что с тобой сделает эта тварь, будет намного труднее.

Его ладонь делала тщетными попытки Нив шевельнуть губами, и она уже было решила укусить его, чтобы сообщить, что в этом мире – или в только что ею оставленном – для нее теперь не может быть ничего ненавистнее, чем он. Но тут нечто за деревьями обернулось к ним лицом.

Называть это *лицом* было бы не совсем верно. На самом деле это была только пасть. Круглая пасть с бесчисленными рядами зубов, острых, как клинки, и длиной в рост Нив.

Она тихо всхлипнула в руку Солмиру. И перестала вырываться.

Зубастая тварь за деревьями выдохнула, окатив их волной смрада, густой, как вонь мертвечины, и лихорадочно горячей в холодном воздухе. Солмир притянул Нив ближе к себе, сжав ее в руках, будто в тисках. Они стояли, не шевелясь, и ждали.

Когда прошла уже целая вечность, чудовище отвернулось. И продолжило свой неспешный извилистый путь сквозь перевернутый лес.

Еще удар сердца, и Солмир ее отпустил.

Нив резко развернулась к нему, тихо зарычав и сжав кулаки. Замахнулась одним, но Солмир оказался быстрее. И перехватил ее руку прежде, чем та достигла его челюсти.

– Ну же, Нивира, – произнес он с тенью злобной ухмылки на губах. – Тебя столько обучали дипломатии, а ты меня даже не слушаешь?

– Дипломатия – для людей чести. – Их руки подрагивали в воздухе, сцепившись в противостоянии. – К тебе это неприменимо.

– Справедливо. – Быстрое движение, и ее кулак оказался у нее за спиной, зажатый между их телами. – Тогда поступим недипломатично. Думаю, тебе все равно такое больше по душе. Ты же по любому поводу срываешься на насилие.

Нив вздрогнула. Он мрачно рассмеялся.

– Давай так, маленькая королева. Я говорю то, что собирался, а потом ты можешь меня ударить. Так сильно, как захочешь. И туда, куда захочешь. – В голосе его сквозило нечто, не до конца ей понятное. Горькое и гневное, тлеющее былой яростью, как прогоревший костер. – По рукам?

Не то чтобы у нее был богатый выбор.

– Ладно, – ответила Нив. – Говори.

Солмир позади нее расслабился, совсем немного, не разжимая цепкой хватки на ее запястье. Почти на всех пальцах у него были серебряные кольца, что теперь впивались ей в кожу укусами, холодными даже в этом холодном мире.

– Ты в Тенеземье.

– Я догадалась, – огрызнулась она, стараясь злобой стереть любые следы страха из голоса.

– Разумная женщина. – Он перехватил ее руку поудобнее, холодея серебром тонкую кожу на запястье. – Ты в Тенеземье, потому что мне нужна твоя помощь.

– Что, если я не хочу тебе помогать? С чего мне вообще хотеть тебе помогать?

– С того, что, по правде сказать, у тебя нет выбора.

Он развернул ее лицом к себе, очевидно убедившись, что она не станет больше замахиваться, покуда он не договорит.

Красота Солмира была ненавистна ей вдвойне – самим фактом и тем, что она вообще заметила, как он красив. Длинные прямые волосы стекали по его плечам почти до локтей. Оттенок она узнать не могла, потому что бесцветное Тенеземье лишило их красок, но по светлому серому тону догадывалась, что в нормальном месте пряди оказались бы золотыми или русыми. Темные брови на высоком лбу словно начертали взмахами клинков; нос был прямой и правильный, губы – тонкие, с манящим изгибом. Ростом Солмир был намного выше Нив, так что смотрел на нее сверху словно бы взором хищной птицы, уверенной в том, что жертве не уйти.

И его глаза. Синие. Синие среди всей этой серости, черноты и белизны.

– Я не стану пытаться перед тобой оправдываться. – Хотя выражение этих синих глаз и намекало, что ему хотелось бы. – Просто скажу, совершенно искренне, что все мои действия на поверхности были во имя цели.

– И цель эта?

Острая улыбка без проблеска теплоты изогнула его губы.

– Убить Королей.

Нив всегда умела держать эмоции при себе, не меняясь в лице и не допуская дрожи в руках, всегда умела играть в бесстрастность, поэтому и сейчас она застыла изваянием и – пока растерянность и пробирающее до кишок богохульство барахтались в уме – отчаянно пыталась осознать услышанное и найти в нем какой-то смысл.

– Тебе, – произнесла она наконец, – придется объяснить намного больше.

– Брось, Нивира. – Мужчина покачал головой, всколыхнув пряди волос, рассыпанные по плечам. – Ты же не полагала их чем-то *хорошим*, да? Я это знаю. Я видел, как ты избегала прикосновений к тому обломку дерева. Ты делала все только ради сестры, а вовсе не из слепой набожности.

– *Не смей* говорить о моей сестре.

Это было приказом, королевским, так что глаза Солмира на мгновение расширились.

– Понял, Ваше Величество.

От титула у Нив почему-то заплыли щеки. Она вывернулась из захвата, но атаковать больше не пыталась. Пока.

– Значит, ты хочешь убить Королей. И поэтому пытался их вытащить?

Солмир кивнул со всей серьезностью, так не подходящей к насмешливому обращению с Нив.

Жуткая искаженная роца, кровь на белых ветвях, сочащаяся по капле тьма. Воспоминания о том, что случилось до ее пробуждения здесь, были разрозненными, они не хотели собираться воедино, складываться в цельную картину. Но она знала, в самой глубине себя, там, где кости оплетала холодная магия, что перед тем, как ее затянуло в Тенеземье, Солмир с Кири и другими жрицами пытались открыть проход между мирами. И использовали для этого *Нив*. Сделали из нее якорь для вывернутой изнанки того леса, якорем которого была Рэд; превратили сестер в кривые отражения друг друга.

Рэд. Проклятые тени, нельзя было сейчас думать о Рэд.

Нив сглотнула, прогоняя горе, уже скребущее в глубине горла.

– А теперь ты будешь пытаться убить Королей здесь?

– Я бы рад. Но не могу. – Снова эта ледяная, изломанная улыбка. – В Тенеземье ничто не может умереть до конца, увы.

Эти слова могли бы даже немного ее обнадежить, если бы не то, с каким видом Солмир их произнес. Словно это был и вызов, и козырь в рукаве – глаза у него блестели, губы стали жестким росчерком на лице.

Времени обдумать, что к чему, Нив не хватило.

Перевернутые деревья задергались из стороны в сторону, протягивая длинные корни к стилому небу, словно костлявые пальцы. Серую муть пронзил звук, с каким мог бы рваться металл, из чащи выметнулось длинное тело чудовища, и зубастая пасть со скрежетом поползла прямо на них.

– Проклятье, – пробормотал Солмир, отталкивая Нив.

Та шарахнулась прочь, споткнулась о переплетенье ветвей в сухой земле и упала на колени далеко от надвигающихся зубов. На ней была белая ночная сорочка – жалкая защита от холода и ударов о грубую кору ветвей. Знай Нив, что придется спускаться в подземный мир, выбирала бы наряд более тщательно.

Эта нелепая мысль – что-то из прежней жизни, в которой она была Первой Дочерью, а не королевой и еретичкой, – вызвала у Нив отвратительный лающий смешок.

Перед ней стоял Солмир, прямо на пути у огромной пасти, и сам скалил зубы в ухмыляющейся гримасе. Бывший на нем темный, почти военного покроя плащ теперь валялся в стороне; рукава тонкой белой рубашки Солмир закатал. По предплечьям его струилась чернота, будто сердце вместо крови перекачивало чернила. Тьма стекалась ему в ладони, заливала пальцы, наполняла запястья. На костяшках блестела тонкая корочка инея.

Скрипящая зубами пасть червеобразной твари была уже так близко, что Нив ощущала зловонное дыхание.

Солмир вскинул руки и разжал кулаки.

Чернота из его ладоней рванулась в воздух, поросла изломами и шипами, будто его кровоток обратился плетью ежевики, что теперь извергались наружу. Тьма обрушилась на чудовище, стиснула его тушу, вырывая из плоти кровавые сгустки, заставила его взреветь.

И все-таки оно ползло.

Страх казался чужеродным на лице Солмира. Его черты не были созданы выражать это чувство. Синие глаза округлились, обычно злобно изогнутые губы распахнулись, но он лишь на миг позволил себе отдалиться потрясению и тут же снова раскинул руки, пытаясь призвать больше теней. Только теперь у него по коже текли не чернила, а что-то менее густое, почти серое.

Его магия истончалась, исчерпывалась. Нив все еще не до конца представляла, как работает то холодное нечто, которое поселилось в ней, когда ее кровь напоила обломок страж-древа; понимала только, что оно связано с этим местом, что это обратная сторона зеленой животворящей магии Рэд. Но она точно знала, что это нечто по-прежнему внутри ее, ледяное и колючее, ставшее даже мощнее оттого, что через нее пытались открыть ворота, что ее превратили в якорь для той ужасной роши.

А еще Нив знала, что не желает быть сожранной чудовищем с такой кучей зубов.

Она почти бездумно проделала то же, что Солмир. Руки ее вытянулись вперед, и, опережая сознательные попытки, тьма сама полилась по ее венам, сжала ее пальцы в кулаки, собираясь в ладонях. Нив замерзла, как зимой, как на секущем ветру; ледяная стужа в глубине тела почти обжигала.

Кусачий холод пробежал по рукам, устроился в сжатых кулаках, и, когда его стало невыносимо много, ее ладони раскрылись.

Ее собственная сеть из колючей магии набросилась на червеобразную тварь за миг до того, как та смогла сомкнуть челюсти.

Эффект был молниеносным. Шипы Солмира сумели только замедлить чудовище, а вот плетение Нив его обездвижило. Оно скорчилось, взревело в серое небо и стало сохнуть и распадаться в тех местах, куда дотянулась магия Нив. Из его туловища вытекали завихрения теней, повисали сгустками в воздухе, издавая странное верещание – будто бы тонкое эхо воплей чудовища. Короткий треск, еще один вихрь визгливо бормочущих теней, и тварь исчезла.

Оставшиеся тени ринулись в чащу, и Солмир нахмурился им вслед – поднял было руку, но уронил обратно.

– Дерьмо, – проворчал он. – Что ж. Доберемся до них в другой раз. Сила парочки теневых созданий ничего особо не изменит.

Нив огромными глазами смотрела на место, где только что было чудовище, грудь у нее тяжело вздымалась под сорочкой, тьма медленно таяла в венах. Она замерзла, замерзла совершенно вся, с ее ладони капала вода, оставшаяся от тонкой корочки льда.

– Ты вроде бы говорил, будто здесь ничто не может умереть?

– Ты же видела тени? – Солмир выгнул бровь, спокойный и собранный, будто не они только что швырялись магией в громадного червяка, который собирался их съесть. – Ошметки этого малого чудовища. Так преобразуется энергия. Все, что здесь будто бы умирает, на самом деле не уходит, а просто меняет форму.

Нив открыла рот, собираясь продолжить расспросы, собираясь ехидно уточнить, нельзя ли ей метнуть магию *в него*, чтобы он поменял форму на какую-то менее невыносимую. Но вспышка раскаленной добела жгучей боли в голове стерла с ее губ все звуки, кроме стона.

Коленями в грязь, ладонями – к вискам. Нив казалось, что ее тело разом плотно утрамбовывают и рвут на части, она будто сминалась и растягивалась одновременно. Боль горела

у нее в голове, в животе, в каждом нерве, холод доселе неведомой мощи свернулся внутри и тяжело пульсировал.

Она смутно сознавала, что Солмир снова выругался и без лишней осторожности обхватил руками ее лицо. В глазах у нее плыло, но она видела подтеки черноты в своих венах, что-то острое скребло изнутри о кожу с каждым ударом сердца.

– Проклятье, женщина! – зарычал Солмир. – Не вздумай сейчас взять и исчезнуть.

Он опустился на землю рядом с ней.

– Тут, внизу, за магию нужно платить, Нивира. – Это прозвучало уже спокойно, но его пальцы все так же крепко сжимали ей виски, будто он пытался удержать ее в целости, не дать раствориться. – На поверхности Тенеземье реагирует слабо, потому что слаба его магия. Если ты используешь его силы здесь, это место запускает в тебя когти. Становится частью тебя. Но тебе такого не выдержать. Эту тюрьму создавали для богов и чудовищ, а ты – ни то, ни другое.

Боги и чудовища. И кто же тогда он сам?

– Я могу помочь. – Солмир заявил это без тени мягкости, разве что не оскалился. – Могу дать тебе другой якорь, другой источник силы, чтобы не приходилось брать у самого Тенеземья.

Нив подняла на него взгляд и процедила сквозь зубы, прорываясь через хаос боли:

– Ты убил Арика. Чуть не убил мою сестру. *Использовал* меня. – Она содрогнулась, шипы полоснули по венам. – Я не желаю ничего от тебя принимать.

Солмир обхватил ее руку длинными изящными пальцами, потянул Нив вверх, обжигая ее запястья серебряными кольцами. На лице у него застыло резкое выражение, ножевые отметины бровей нависли над этими нечеловечески синими глазами, ухмылка повторяла ее собственный оскал.

– А я не предлагаю, – произнес он.

И накрыл ее губы тяжелым поцелуем.

Нив застыла от потрясения, но ясно осознавала, что это нечто совершенно непохожее на любую близость, какую ей доводилось испытывать. Скорее битва, чем поцелуй – она чувствовала зубы за его губами, напор его рта был беспощаден как клинок.

И, пока он так жестоко целовал ее, что-то в Нив... менялось.

Шипы, разрывавшие вены, отступали, оставляя отдельные укусы, почти покальвание. Чем дольше Солмир прижимался к ее губам, тем слабее становилась пульсация у нее в голове, будто бы вымываясь; эта связь вытягивала из нее всю магию, вытаскивала, словно свернутую тугими кольцами струну. От опустошения было и хорошо, и горько, силы покидали ее в равной доле с болью. Нив чувствовала себя все более телесной, все более *собой*.

Хрупкой и человеческой, беспомощной.

Солмир разорвал их не-поцелуй, но все еще обхватывал ее руками, держал на случай, если она рухнет без сознания. От него пахло еловыми иголками и снегом, далекими землями и чистым небом.

Выражение его глаз вдруг остро напомнило Нив о том, как он месяцами притворялся Ариком. Как разыгрывал доброту, и...

Она отшатнулась прочь, резко ударив его ладонью в грудь.

– Что ты со мной сделал?

– Дал тебе новый якорь. Привязал твою силу к себе вместо Тенеземья. Отныне, когда захочешь применить магию, будешь брать ее у меня. Я – *сосуд* с твоей магией. – Солмир с невозмутимым видом поймал ее снова взметнувшиеся руки, задержал их в воздухе. – Мы договаривались на один удар, Нивира, а ты собираешься отвесить мне уже второй.

Они так и застыли; у него в ладонях – запястья Нив, у нее на искаженном злобой лице – дорожки слез.

Он уже не казался таким бесстрастным, как издавна. Теперь, когда Нив от свергнутого Короля отделяли считанные дюймы, она снова видела в его синих глазах искры сожаления, гнева

и чего-то, похожего на горечь. Наконец он медленно отпустил ее руки и наклонился за сброшенным плащом, накинул его на мощные плечи.

– Я сделал то, что должен был.

Мы делаем то, что должны.

Нив обхватила себя руками, снова вспоминая, как он притворялся на поверхности. Как изображал, будто ему есть до нее дело, и как она оказалась настолько глупа, что поверила. Все это было игрой – теперь она знала. Способом завоевать доверие. Ей захотелось спросить его об этом, спросить, почему он не мог просто носить личину Арика, зачем было делать из этого нечто столь мучительное и ранящее. Из всех людей только Раффи и Арик заботились о ней, и осознание того, что забота Арика не была настоящей – вообще не относилась к *Арику*, – оставило в ней зияющую дыру.

– Ты убил его! – прорычала Нив. – Не смей повторять его слова.

– Он не говорил этих слов. – У Солмира блеснули глаза. – Их говорил я.

Это звучало, как приглашение. Почти как предложение – расспросить, узнать, к чему были эти доброта и забота. Нив его не приняла. Она не хотела знать.

Она тяжело сглотнула пересохшим горлом.

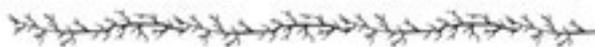
– Моя сестра жива? – Нив смутно помнила, как смотрела на Рэд через дымчатое стекло, но не могла верить таким скудным воспоминаниям, ей нужно было услышать это из его уст. – Если нет, я тебя убью – по-настоящему убью, а не позволю разлететься клочками тени. И если для этого мне придется вытащить твою задницу на поверхность, я это сделаю.

– Она жива, – коротко кивнул Солмир. – И, думаю, скоро понадобится нам, чтобы все получилось.

Нив нахмурилась.

– Что получилось?

– Убийство Королей, само собой. – Солмир снова криво ухмыльнулся. Отвернулся и легко зашагал между деревьями туда, откуда прибежала Нив, будто бы уверенный, что она его догонит. – Как ни смешно, именно вытаскивать задницы на поверхность мы и собираемся.



Вскоре стало ясно, что убежала она недалеко. Башня уже маячила за тонким кружевом перевернутых деревьев, виднелась сквозь голые ветки.

Хотя называть это *ветками* было не совсем верно. Деревья росли вверх тормашками, вгрызаясь толстыми сучьями в серую сухую почву, которая вздымалась вокруг них буграми высотой почти по колено. А над головой в бесцветном воздухе простирались застывшие корни; длинные и тонкие, они тянулись насколько хватало глаз и исчезали в тумане.

Зеркально отраженный лес, такой же, как выращенная в Святилище роща, только обширнее, огромнее.

Впрочем, за ним открывалась бескрайняя голая пустошь без единого деревца, хоть перевернутого, хоть какого. Башня, в которой проснулась Нив, устремлялась ввысь на краю этого запустелого простора, выщербленный кирпич стен порос ползучими черными колючками. Солмир шагал ко входу с беззаботным видом, словно они просто вышли на утренний моцион и теперь не спеша возвращались к завтраку.

– Ну и как же ты намерен вытаскивать чьи-то задницы на поверхность? – Нив обхватила себя руками, чтобы не дрожать от холода, проникавшего под кожу. – Ты не сумел провести Королей сквозь ворота один раз и будешь просто пробовать снова? Ты что, не только злобный, но и тупой?

Да, не лучшая из ее шпилек, но она только что очнулась в преисподней и спаслась от монстра. Не стоило пока ожидать от своего разума слишком много.

Солмир глянул на нее, приподняв брови, толкнул двери и отошел в сторону, нарочитым жестом приглашая заходить. Нив стиснула опущенные руки в кулаки и переступила порог, вжимаясь в дверную арку подальше от мужчины. Кожа все еще помнила его прикосновения, так что хотелось ее содрать.

– Очень тупой, – ответил он, когда Нив шагнула мимо. – И очень злобный.

Она выпрямила спину, насколько это вообще было возможно.

Издали донесся какой-то рокот. Земля дрогнула, каменный пол башни заходил у нее под ногами. Нив непроизвольно вскинула руку к стене и чудом не напоролась на шипы, овивавшие перила лестницы.

Солмир в очередной раз схватил ее за запястье, оттащил назад и задвинул обратно в дверной проем, прижав к себе. Она чуть не уткнулась носом ему в ямку между ключицами.

– Так безопаснее всего при землетрясениях, – проговорил он сквозь зубы, не глядя на Нив и рыская глазами по далекому горизонту. – В дверях. Запомни это – может пригодиться.

Земля еще раз всколыхнулась и успокоилась, все застыло. Нив впиалась в дверной откос так, что побелели костяшки.

– Они часто бывают?

– Теперь чаще. – Солмир отвернулся от нее и шагнул на лестницу. – Тенеземье расшатывается. Становится неустойчивым. – Он фыркнул. – Ну хотя бы не нужно почти никого сдерживать, больше не нужно. Осталось совсем немного малых чудищ и только четверо Древних. – Пауза. – Может, даже трое. Надо уточнить у Швей.

– Ты же осознаешь, что я не поняла сейчас ни слова.

Король одарил ее острой ухмылкой, не коснувшейся глаз.

– Ну и кто теперь тупой?

Нив не смогла найти колючий ответ и только задрожала, холод Тенеземья давно пробрался под ее сорочку. Она как могла старалась не подавать виду, но Солмир заметил, и усмешка у него на губах смягчилась до почти грустной. Он повел плечами и стал снимать плащ.

Нив замотала головой раньше, чем он успел высвободить из плаща руки.

– Я не желаю...

– Да, знаю, ты не желаешь ничего от меня принимать. Очень жаль. Надень чертов плащ. После недолгого замешательства она приняла одежду. Та была теплой в местах, что прилегали к его телу. Нив постаралась не съеживаться от прикосновений ткани.

Короткое молчание, и Солмир вздохнул.

– Я тоже далеко не в восторге оттого, что ты здесь, Нивири. Не этого я хотел.

– Да, ты хотел выпустить Королей на поверхность и убить мою сестру.

– Не вполне, – произнес он, стиснув зубы, будто изо всех сил избегая перепалки, на которую Нив его снова провоцировала. – Я сказал тебе, чего я хотел. Уничтожить Королей.

Выказать эмоции значило открыться ему, а Нив и так уже стала перед ним слишком уязвимой. Он этого не заслуживал, она не могла себе такого позволить. И потому взяла себя в руки и не дала своему лицу скривиться от гнева. Нацепила привычную маску, а если он и сквозь нее все увидит – что ж, Нив хотя бы попыталась.

– Думаешь, я тебе поверю?

– Повторюсь, не то чтобы у тебя был выбор. Может, я и лжец, и убийца, и воплощение прочих грехов, но, помимо этого, я – единственный во всем подземном мире, кому есть до тебя хоть какое-то дело. – Солмир сверкнул зубами. – Мы хотим одних вещей, я и ты. Я знаю, что тебя это бесит.

Он стоял слишком близко. Ей хотелось попятиться, но это означало бы поражение, а она не желала показывать ему, что он победил хотя бы в чем-то. Нив сузила глаза.

– Весьма самонадеянно.

– Ты хочешь, чтобы все закончилось. А к этому всегда было лишь два пути. Либо Королей уничтожают – и души, и то, что осталось от тел, – либо они освобождаются из Тенеземья, как только оно полностью распадается. – На лбу у него виднелись отметины шрамов, самые жуткие – ближе к вискам, чуть менее страшные – в середине. Солмир поднял руку и бездумно потер их. – Можешь верить или нет, но я *пытался* пойти самым легким для всех путем, когда оказался на поверхности.

– Когда использовал Арика. – Ничто в его чертах не выдавало раскаяния, и Нив едва ли могла что-то изменить, но она не собиралась позволять ему прятаться за такими полупризнаниями. – Когда использовал *меня*.

– Не так уж и много пришлось делать, Ваше Величество. – Его синие глаза горели в тусклом сером свете. – Достаточно было слегка вас подтолкнуть.

Нив проглотила стук сердца в горле. Она не опустит подбородок, не станет избегать этих глаз.

Солмир первым прекратил игру, хотя от того, как легко он отвел взгляд, победа Нив сразу показалась ей менее весомой. Он еще раз потер шрамы на лбу и опустил руку, коснулся рукояти клинка на боку.

– Я мог бы сделать все необходимое, *всем* нам необходимое, Нивира, и ты бы сказала мне спасибо – но надо же было твоей сестре взять и все усложнить. – Он помолчал. – Мне стоило ожидать чего-то подобного, пожалуй. Судьба та еще сука.

Нив уже открыла рот, желая снова сказать ему, чтобы не смел даже упоминать о Рэд, но тут земля опять заколебалась.

Нив мотнуло в сторону, и она рухнула коленями на ступени, хотя это землетрясение было слабее первого. Солмир не стал возвращаться к дверям, а просто присел отточено плавным движением. Как же долго Тенеземье растрясает на части, если ему это, похоже, давно привычно?

Когда земля снова успокоилась, Солмир встал, поднялся по лестнице и повернул к той круглой комнате, в которой проснулась Нив.

– Наверное, ты уже догадалась, что времени мало, – бросил он через плечо. – Так что советую не отставать.

Глава вторая

Рэд

Иногда лес приносил ей сны.

Это казалось естественным. Принимая в себя магию настолько полно и глубоко, следовало ожидать, что та оставит свои метки внутри ее так же, как и снаружи, прорастет золотыми жилками в разум Рэд, как обвела ей зеленью радужки и вплела в волосы плющ. Не менее тревожащий побочный эффект, но довольно мягкий, учитывая обстоятельства.

Все началось сразу после того, как она стала Диколесьем. Сразу после того, как Нив затянуло под землю. Эти сны отпечатывались золотыми образами в глазах, казались реальнее всех обрывочных усталых мыслей, что Рэд крутила в голове прежде чем наконец уснуть. Они были простыми и совсем короткими. Зеркало без отражения. Звезды, плывущие по небу друг к другу, будто бы готовые сложиться в слова, но рассыпающиеся искрами прежде, чем она их прочтет.

Сегодняшний сон был другим, самым цельным из тех, что Диколесье преподнесло Рэд; ей снилось дерево. Белое страж-дерево в море тумана, такого густого, что скрывал от глаз весь остальной пейзаж. Сначала оно было лишь побегом, потом подросло – медленно, насколько это возможно во сне; и вдруг мгновенно рвануло вверх и раскинуло у Рэд над головой ветви, увитые сплетениями черных и золотых линий.



Потом в руке у Рэд оказалось яблоко. Теплое и золотое, намного тяжелее положенного. Она поднесла его к губам и надкусила. Ее рот наполнился вкусом крови, а грудь пронзило жуткой болью, словно она каким-то образом вырвала и съела кусок самой себя.

Рэд распахнула глаза, внутри все скрутило, во рту остался медный привкус. Сердце гулко стучало где-то под горлом, пока ее вены оплетала яркая зелень, потом понемногу успокоилось, когда она вспомнила, где находится.

В Черной Крепости. С Волком.

В открытое окно их спальни подул легкий ветерок, принеся с собой ароматы листвы, земли и корицы – напоминания о вечной осени. Тусклый утренний свет струился на кровать, золотил темные волосы Эммона, делал заметнее полосы шрамов на его обнаженных плечах и груди.

Рэд улыбнулась этой картине, отгоняя остатки кровавого сновидения, и устроилась у Эммона под боком, провела пальцем по одной из трех белых отметин у него на животе. Лес вернулся к нормальному ходу времени вместо нескончаемых сумерек, и никогда она не радовалась этому так сильно, как по утрам. Волк восхитительно смотрелся в бледных рассветных лучах.

Протянутая рука Рэд погладила его шрамы, спустилась к низу живота. И еще ниже. Он чуть вздрогнул и запрокинул голову с низким блаженным вздохом, когда она обхватила его пальцами, но не проснулся.

Рэд коварно ухмыльнулась и заменила пальцы губами.

Этого оказалось достаточно, чтобы его разбудить. Эммон открыл глаза, янтарные с изумрудной каймой, которая тут же растаяла. Запустил одну покрытую шрамами руку ей в волосы.

– Доброе утро.

– Очень доброе, – прошептала Рэд, не отрываясь от него, прежде чем перебралась к нему на бедра.

Позже, когда в ее голове рассеялся жаркий туман и Рэд уже одевалась к завтраку, она вспомнила свой сон. Он казался каким-то особенным. И тяжелым.

Впрочем, сейчас все было тяжелым. Вся эта неделя со дня в теневой роще, со дня, когда разверзлась земля, когда Солмиру не дали вытащить на эту сторону остальных Королей, когда они с Эммоном приняли в себя все Диколесье, заключили его в двух телах и двух душах.

Неделя без Нив.

Неделя без малейшего представления о том, откуда хотя бы начинать *искать*. Зеркало в башне ничего ей не показывало с того раза, когда она заглянула в него и увидела Тенеземье – прежде чем они побежали к границам леса и узнали, что те разрушены. Скрытый в ее костях лес тоже не давал подсказок; он замолчал, получив свой новый якорь, и больше не говорил так дорого обходящимися ему словами, а тихо улегся у нее в сознании, будто мох на камне. Лес снаружи – лишенный страж-древ и нечеловеческого разума, хотя и все еще пронизанный магией, – дарил только золотую осень.

Рэд была сильнее, чем когда-либо. И совершенно беспомощна.

Родное прикосновение грубоватых рук Эммона к основанию ее шеи вернули Рэд мыслями в настоящее. Погрузившись в раздумья, она забыла про косу, и сейчас он взял брошенные пряжи в ладони и продолжил их заплетать.

– О чем ты теперь беспокоишься? – Голос у него был низким и хриплым спросонья. – Или все о том же?

– О том же, – пробормотала она.

Эммон тихо понимающе хмыкнул. Коса у него получилась неровной, но концы прядей он завязал крепко, а потом аккуратно потянул за них, так что Рэд запрокинула голову и посмотрела на него снизу вверх. Он коснулся ее лба поцелуем.

– Может, Раффи скажет Файфу что-нибудь новое.

Рэд вздохнула и подалась назад, прижимаясь к Эммону затылком.

– Может.

Файф уже второй раз отправлялся в столицу Валлейды, больше не скованный границами Диколесья, хотя и связанный с ним теперь иным способом – той Сделкой ради жизни Лиры, что он успел заключить за недолгое время, на которое Эммона затмили магия и лес. Файф встречался в таверне с Раффи, одетым в самые неброские наряды, какие удавалось достать, и они вдвоем пытались придумать, что из доступных Раффи вещей способно помочь в поисках Нив.

Ну. Пока еще доступных. Пока никто не узнал, что на самом деле Королева отнюдь не оправляется от болезни во флорианском именье, что ее нареченный не отбыл с визитом в Альперу, а Верховная Жрица не поехала его сопровождать.

Если – когда – все это всплывет, Раффи будет уже далеко не так просто пользоваться дворцовой библиотекой и пристально следить за Святилищем.

Но пока изолированность Валлейды играла им на руку. Все, чем страна была примечательна, ограждало ее от чьих-либо посягательств на земли и трон: Диколесье на северной границе, долг Вторых Дочерей, неплодородная почва и скудные месяцы теплой погоды. Два

первых пункта уже перестали что-то значить, но новости расплзались медленно, особенно с наступлением холодов, когда придворные имели обыкновение отсиживаться по домам или разъезжаться, пережидая зиму в чужих краях.

Если действовать тихо – и быстро – не будет причин даже сообщать знати Валлейды о том, что Нив пропала. Рэд была слишком занята попытками вернуть сестру из-под земли, чтобы ввязываться в борьбу за трон.

Она подумывала и вовсе от него отказаться, если до такого дойдет. Что хорошего они обе видели от этого трона? Рэд его точно не желала.

Она беспокойно прикрыла глаза, прислоняясь спиной к Эммону и вдыхая запах библиотеки. Все тот же, хотя теперь и с сильной примесью аромата листьев.

– Мне снился сон. Из тех, что от Диколесья. – Она открыла один глаз и глянула вверх. – А тебе?

Эммон нахмурил брови и попытался вспомнить прерванный сон, бездумно перебирая ее волосы и заправляя за уши выпавшие пряди.

– Ничего такого, нет. – В глазах у него блеснул огонек. – Но ведь проснулся я от нападения, так что память может и подводить.

Губы Рэд тронула улыбка, и она ткнула Эммона в живот. О лесных снах она рассказала ему сразу же, как те начались. У него они тоже случались – короткие вспышки образов или чувств, слишком быстрые, чтобы что-нибудь понять. Обычно, когда лесной сон приходил к Рэд, он снился и Эммону тоже, пронизывающая их обоих магия разгоралась в них синхронно.

Но этот, судя по всему, предназначался только ей. Рэд нахмурилась.

– Он был намного страннее, чем другие. И длиннее. Там было дерево. Страж-дерево. И яблоко. Когда я от него откусила, полилась кровь.

Рука Эммона замерла. Упоминания о крови заставляли его напрягаться даже теперь, когда лес больше ее не требовал. Лира дразнила его, называя неженкой, но всегда с теплотой и сочувствием во взгляде. Волк повидал и отдал крови на несколько жизней вперед.

Краткий миг оцепенения прошел, и он провел большим пальцем по подбородку Рэд, прежде чем опустить руку. Спросил:

– Думаешь, это что-то значит? Обычно принесенные Диколесьем сны ни о чем не говорят, по крайней мере мне, но если тебе кажется, что этот может...

– Может, – вздохнула Рэд. – А может, это просто вчерашние пряности, которые принесла Лира, задурили мне голову.

Эммон фыркнул.

– Я поищу в библиотеке. Проверю, не написано ли о чем-то похожем в хрониках, на всякий случай. Думаю, упоминаний о кровавых яблоках будет не так уж много.

– Я помогу, как только найду Файфа. Надо передать письмо Раффи.

– Еще одно?

Рэд пожала плечами, теребя торчащую из края блузки нить.

– Если бы я оказалась на его месте, я бы хотела все до мелочей знать о том, как идут поиски. Если бы это ты вдруг пропал.

Волк тихонько заворчал, соглашаясь.

Рэд нерешительно постукивала пальцами по ноге.

– Если от него не придет новостей, – сказала она наконец, – нам нужно будет обсудить, что делать дальше.

Она не подняла глаз, но услышала возражение во вздохе Эммона. Все опять оказалось на грани этой не-совсем-ссоры, уже несколько дней висевшей над ними. Они перерыли две библиотеки и все еще не нашли ни строчки, что помогла бы отыскать Нив. Терпение Рэд, и без того почти отсутствующее, трещало по швам. Кто знает, что приходится выносить Нив, пока они тратят время на древние книжки и осторожность?

В воздухе сгустилось напряжение, она ждала. Наконец Эммон кивнул.

– Обсудим, – произнес он. Еще раз поцеловал ее в лоб и поспешил вниз по лестнице.

Рэд еще постояла, вытягивая руки над головой и прогоняя остатки ночного оцепенения. С кухни уже веяло аппетитными ароматами; прошлым вечером Лира вернулась после короткой вылазки на юг – первого из многих путешествий по континенту, что она собиралась предпринять теперь, когда больше не принадлежала Диколесью. Файф как мог расстарался тогда к ужину и, судя по всему, к сегодняшнему завтраку тоже.

Письмо для Раффи лежало на столе, одна страница, маленький листок. Рэд посмотрела на него, закусив нижнюю губу. Там было кое-что кроме признаний в том, что они пока ничего не добились. Несколько строчек, добавленных в конце. Скоро день рождения Арика. Раффи вспомнил бы о нем и сам, без ее слов, но Рэд чувствовала, что она все равно должна об этом написать. Показать, что тоже помнит.

Тоска по Арику была странной; пожалуй, самой странной среди всех горестей и печалей Рэд. Она не сожалела о том, что его убила; среди всех запутанных эмоций, что он вызывал, чувства вины не было. Она бы совершила и худшее, чтобы спасти Эммона и Нив. Арик сам сделал выбор, когда призвал Солмира и отдал тому свою тень и свою жизнь.

Но Рэд все равно сожалела о том, что его больше нет.

Она сжала губы в тонкую жесткую линию, сложила письмо и опустила его в карман. Когда она снова встретится с Солмиром, она убьет его. Гораздо медленнее, чем убила Арика.

Спускаясь по лестнице и слушая летящие из столовой голоса, Рэд отвлеклась от этих тяжелых мыслей на более насущные заботы. Эммон уже говорил Файфу, что тот может отправляться с Лирой в ее путешествия по континенту, если хочет; теперь, когда Диколесье было в Рэд и Волке и никаких границ не осталось, ничто не мешало Файфу, как и Лире, выбираться далеко и жить где угодно. Но он не стал пробовать и уходил только в столицу Валлейды на встречи с Раффи. Рэд не вполне понимала, что его удерживает, и не решалась спрашивать, пока все происходящее с ними было таким новым и незнакомым. Пока никто из них еще толком не разобрался, на что подписался Файф, заключая Сделку с богом, которым ненадолго обратился Эммон.

Эта новая Сделка с Диколесьем – с Эммоном – точно была другой. Рэд чувствовала это своим внутренним лесом, хотя и не до конца понимала как. Диколесью было что-то нужно от Файфа, но не кровь и не верность. Знак у него на руке стал больше и затейливее, чем раньше, сплетение корней под кожей тянулось от локтя почти до середины предплечья. Но лес ничего не требовал; не было больше теневых тварей или разрывов, которые приходилось бы поливать кровью в попытках закрыть.

Даже в глубине сознания леса, так тесно переплетенного с ее собственным, что она едва могла их разделить, Рэд не находила даже намеков на то, что же должна значить новая Сделка Файфа.

Неизвестность тревожила их, всех троих. Вынуждала осторожничать друг с другом. И если даже Рэд это мучило, то каково должно было быть Файфу и Эммону, так долго прожившим бок о бок в их маленьком замкнутом мире.

Когда она зашла в столовую, Лира уже сидела на своем месте с дымящейся кружкой кофе в руках и улыбкой на прекрасном лице. Время, проведенное под солнцем за пределами леса, высветлило кончики тугих завитков ее волос, одарило их медным блеском. Женщина приветственно подняла скелотую кружку, как только Рэд вошла в дверь.

– Ты-то хоть посидишь и поешь нормально, или повторишь за супругом и утащишь кусок тоста, едва поздоровавшись?

– Посажу. – Рэд опустила на свой стул, взяла протянутую Лирой чашку и благодарно улыбнулась, обнаружив, что в кофе ей уже долили сливок. – Пахнет намного лучше обычного.

– Ты представляешь, кофе не всегда на вкус как жиденькая водичка из-под бобов! Я вот узнала об этом только благодаря тому, что заглянула в Медусию. Они там разбираются в напитках, будь то вино или кофе.

– Я предпочту не обижаться. – Файф вынес из кухни кусок ветчины размером с добрый окорок и опустил его на стол рядом с тостами. – Предпочту никак не реагировать на то, что ты назвала мой кофе *водичкой из-под бобов*.

Лири сморщила нос и потрепала Файфа по рыжей шевелюре.

– Самая лучшая водичка из-под бобов.

Файф улыбнулся ей. Рэд подумала, что это первая за неделю настоящая улыбка на его лице. Он не закатывал рукавов, потому что прятал Знак Сделки, и сейчас, как только Лира вернулась к завтраку, тоже поправил манжету, чтобы та точно скрывала запястье.

Похоже, он почувствовал взгляд Рэд. Встретил его своими карими глазами, едва заметно уныло пожал плечами.

Значит, так и не рассказал Лире о новой Сделке, не показал ей свой новый Знак. А стоило бы, и поскорее – Лира помнила достаточно о битве с Солмиром в перевернутой роще и знала, как сильно ей досталось. Рано или поздно она поймет, что ее спасло.

Они ели в уютной тишине, Файф рядом с Лирой, и Рэд напротив. Их завтраки, обеды и ужины были намного разнообразнее теперь, когда перестали зависеть исключительно от удовольствия с Края. Жители деревни за лесом пока только готовились основательно перебраться на юг – пережидали нынешнюю неразбериху в Валлейде – но Вальдрек и Лир уже ездили в столицу разведывать новый мир, в который им предстояло вернуться.

Если они смогут найти Нив – *когда они найдут Нив*, поправила себя Рэд почти яростно, стискивая чашку в пальцах, – сестра обязательно поможет с переселением деревенских. Но сейчас, пока Раффи держал все в тайне и один на пределе сил справлялся с делами в Валлейде, было неразумно пытаться переместить целую маленькую страну. Жители Края с этим согласились, тем более что многие вообще решили никуда не уходить. Теперь, когда путь через лес был открыт и они могли налаживать торговлю с остальным миром, земли за Диколесьем больше не казались людям тюрьмой.

– Можешь передать это Раффи при встрече? – спросила Рэд, выживая из кармана письмо.

Файф взял его, вскинул бровь, оценив толщину единственного листка бумаги.

– Есть что сообщить?

– Нет. – Она вздохнула. – Но он все равно хочет знать. Отсутствие новостей – плохие новости.

Лири взяла еще кусочек тоста.

– Мне казалось, там говорится «отсутствие новостей – хорошие новости».

– Сойдемся на «отсутствие новостей заставит Раффи нервничать больше обычного».

На самом деле, кроме короткого упоминания о дне рождения Арика, в письме почти ничего не было – Рэд только снова писала, что каждый день обращается к зеркалу, но оно по-прежнему не показывает ее сестру. И говорила Раффи, в очередной раз, что они с Эммоном ищут любые возможные способы открыть Тенеземье и вытащить Нив.

Ну. Любые *безопасные* способы.

До того, как Рэд и Волк стали Диколесьем, открывалось бесчисленное число случайных проходов в Тенеземье. Разрывы – пятна гнилой почвы вокруг умирающих страж-древ – исторгали теневых тварей и то малое чудовище, с которым им пришлось сразиться после первой совместной вылазки к Краю. И это, думалось Рэд, могло быть подсказкой в их тщетных поисках.

Что, если существует способ воссоздать проход в Тенеземье? Что, если можно как-то вытащить страж-дерево из одного из них, будто расшатанный зуб, посадить его обратно в землю

и позволить черной гнили – которая наверняка захватит его вдалеке от них и леса – проявиться ровно настолько, чтобы открыть разрыв между мирами?

Один раз она попробовала поделиться этой идеей с Эммоном. Он не одобрил. Или, вернее сказать, *разъярился* – навис над ней с пылающими глазами, будто мстительное божество, и низким хриплым голосом спросил, что *на хрен* такое она себе выдумала.

Только в этот момент Рэд осознала, что именно так погибла его мать. Гайя пробовала открыть проход в Тенеземье, чтобы вытащить Солмира, и Диколесье поглотило ее, отчаянно пытаясь избавиться от зияющей раны.

Но в этот раз все могло пройти иначе. Весь лес был укрыт внутри их, не привязанный больше к земле. Значит, он бы наверняка не стал бунтовать, он бы все понял. Но Эммон был непреклонен и явно пришел в ужас от ее замысла, так что Рэд пришлось отказаться от разговоров об этом.

Но сама идея никак ее не оставляла.

А письмо Раффи получилось *таким* тонким.

– Погоди минутку, Файф. – Рэд встала и принялась искать по карманам ручку; с недавних пор она взяла привычку всегда носить их с собой, потому что Эммону постоянно требовалось что-нибудь записывать. Обычно у него и самого была одна за ухом, но Рэд нравилось позволять ему одалживать их, а уже потом обнаруживать собственные. – Мне надо кое-что добавить.

Может быть, ее сон как-то займет мысли Раффи, раз больше сообщать все равно нечего. И библиотека в Валлейде громадная; они с Волком в своей вряд ли найдут что-нибудь примечательное, а вот Раффи может повезти.

Рэд настрочила сухой пересказ сна в конце письма, подула на чернила, чтобы те скорее высохли, и вернула листок Файфу.

– Скажи ему, пусть пишет, если захочет что-нибудь уточнить.

Файф кивнул, убирая бумагу в карман куртки.

– Пойдешь со мной? – спросил он у Лиры, не очень успешно притворяясь равнодушным. – Раффи всегда устраивает мне ужин и ночевку в лучших гостиницах.

– Конечно. – Лира откусила еще кусочек тоста и встала, потягиваясь. В Валлейде она купила новый наряд – платье цвета льда восхитительно оттеняло ее золотисто-смуглую кожу, – но по-прежнему носила за спиной свой тор. И выглядела из-за этого сочетания одновременно опасно и изысканно. – Заодно можем обсудить, куда еще тебе хотелось бы отправиться.

Мы будем держаться вместе, он и я. Лира говорила это давно, задолго до того, как кто-то из них мог предположить, что лес их вскоре отпустит, что Рэд и Эммон наконец его исцелят и все исправят. И в первый раз Лира ушла одна только потому, что Файф отказался; Рэд гадала, сможет ли он отговориться и от второго раза. И даже понимая его опасения – понимая, как беспокойно ему будет покидать лес после их новой Сделки – она все же надеялась, что на следующее предложение Лире Файф согласится.

Хотя иногда ей казалось, что более всего прочего он тревожится из-за того, что Лира может увидеть новый Знак.

Все они до сих пор пытались сориентироваться в запутанном незнакомом мире, который создали; каждый не до конца понимал, где рамки дозволенного. Рэд и Эммон тоже больше не были заперты в своем лесу. Они носили Диколесье в себе, и оно больше не могло удерживать их внутри границ – тех просто не было. Но из-за пропажи Нив и из-за этой их новой силы пока не могло быть и речи о том, чтобы куда-нибудь уйти. Особенно потому, что магия так очевидно и заметно воплотилась в их телах. Рэд не хотелось попадаться на глаза кому-нибудь из Валлейды, где ее помнили лишь как Вторую Дочь, которая уже единожды возвращалась, прежде чем снова исчезнуть – прямо перед тем, как ее сестра, новая королева, слегла с болезнью. Простор для нежелательных вопросов был огромным, а истина – слишком хрупкой.

И если уж она так обо всем тревожилась, то что должен был чувствовать Эммон? Эммон, который с трудом пришел в себя после единственной попытки вырваться за южную границу Диколесья; который не знал внешнего мира долгими веками.

Что ж. Всему свое время. Они отыщут Нив, и можно будет вспомнить о том, как Рэд хотелось бы снова увидеть океан.

Она проводила Файфа и Лиру до двери и постояла на пороге, глядя, как они вдвоем легко шагают сквозь золотой простор исцеленного Диколесья. Эммон ждал ее в библиотеке. Стоило принести ему еще кружку кофе, первую он уже точно допил.

Но вместо этого Рэд направилась к башне.

С тех пор, как Диколесье исцелилось, лозы плюща на ее стенах густо расплзлись и покрылись пышными листьями и белыми цветами размером с голову Рэд. Это было потрясающе красиво – кусочек весны среди всей этой осени. И магия буйно растущего леса под ее кожей по-прежнему была сильнее всего именно здесь.

Хотя и не настолько сильнее, чтобы зеркало работало.

Одна попытка. Сегодня она попытается один раз, принесет одну жертву, моля, чтобы зеркало все-таки сдалось и хоть мельком показало ей сестру. А потом пойдет к Эммону и будет вместе с ним искать в старых томах что-нибудь пока еще неизвестное о них самих, о Диколесье и Тенеземье. Что-нибудь, что позволит им вытащить Нив из поглотившей ее тьмы.

Одна попытка.

Шагая по мху, Рэд блуждала взглядом – темно-карие радужки ее глаз сейчас были окружены кольцом зелени, как у Эммона – по железным воротам и деревьям за ними. Желтым и рыжим деревьям с коричневой корой, без следа раскиданных между ними белых страж-древ.

– Должен быть проход, – прошептала Рэд своей осени; произнесла слова вслух, но обратила их и внутрь тоже, к тому лесу, что хранила под кожей. – Должно быть хоть *что-нибудь*.

Ответа не прозвучало. Но поднялся легкий ветер, закружились желтые листья, и она вдруг почувствовала ответ в легкой дрожи вдоль позвоночника.

Рэд помчалась вверх по ступеням, на бегу вытягивая пряди из кривой косы, что заплел ей Эммон. Тонкие усики плюща росли вперемешку с ее золотистыми волосами, совсем как родные; она прихватила и один из них тоже. Теперь кровь – крошечная капля проступила оттого, что она впилась ногтем в подушечку большого пальца. Это напомнило ей о тех первых днях в Диколесье, вечность назад, когда она отрывала себе заусенцы, чтобы не пользоваться магией.

Как странно, что она раньше ее боялась.

Рэд размазала кровь по оловянной раме зеркала, намотала плющ и волосы на завитки.

– Покажи мне мою сестру, – приказала она голосом, в котором сплелись стук ветвей, шелест раскрывающихся лепестков и свист ветра.

Ничего. Снова. С тяжелым прерывистым вздохом Рэд поднялась с пола.

И заметила нечто в непрозрачной серой поверхности. Какое-то движение, пересечение двух разных кусков черноты, словно что-то шевелилось в темном, неосвещенном пространстве. Рэд подалась вперед так, что чуть не коснулась стекла кончиком носа, и взгляделась внутрь.

Тьма в зеркале выглядела почти как переплетенье корней.

Глава третья

Раффи

Когда убийца наконец явился, Раффи был готов.

Он *давно* был готов. С той самой ночи на краю Диколесья – ночи, в которую пропала Нив, – он постоянно ждал, когда же грянет гром. Казалось чудом, что это не случилось много раньше.

Неделю назад он явился в деревню с бесчувственным телом Кири на плече. Думал, что сразу нарвется на неприятности, что жителей перебудило кошмарное противостояние на границе Диколесья – столкновение леса в облике человека с воплощенной тенью – и в испуге они могут накинуться на Раффи. Но все деревенские загадочным образом спали. Может быть, под влиянием магии, а может быть и потому, что люди, выбравшие жизнь так близко к Диколесью, давно научились не видеть странностей; так или иначе битва богов на границе чаши, похоже, прошла незамеченной.

Кроме того, самая северная деревня Валлейды, по счастью, не отличалась излишней непослушностью. Раффи быстро отыскал человека, что без раздумий помог ему пересечь границу Флорианы с раненой женщиной на руках и даже глазом не моргнул, когда Раффи заплатил чистым золотом за отправку ее в Рильт. Это обошлось недешево, хотя путь и был близким. Переход по морю на восток, к скоплению островов, на которых располагался Рильт, обычно занимал три дня, однако Раффи смог отыскать моряка, готового совершить его за два. Он заплатил достаточно, чтобы Кири обеспечили едой, но не более того, и выдал ее капитану корабля за свою дальнюю тетушку, страдающую помешательством. Оставалось гадать, поверил ли тот в его историю. Как бы то ни было, в золото он поверил точно.

По возвращении в столицу Раффи почти без труда удалось заставить остальных женщин из ордена Кири отбыть за море к их Верховной Жрице. С ними в путь отправилось и послание в рильтийский Храм; от стоимости всего этого и от того, как быстро пустел его кошелек, у Раффи ныло в животе, но избавиться от жриц было необходимо. Немного сложнее оказалось обмануть Храм и весь двор, рассказав, будто королева Нивира так впечатлилась набожностью Рильта, что отправила весь Орден Валлейды набираться там мудрости.

Раффи оставалось лишь уповать на то, что высланным жрицам хватит ума не болтать о произошедшем и что любые рассказы Кири сочтут бредом и последствиями увечий. Пока ему сопутствовала удача. Но он был достаточно благоразумен, чтобы не верить, что так будет всегда.

Несколько раз он даже думал, что стоило их всех просто убить. И Кири, и остальных жриц. Но он не был таким кровожадным. Пока.

Хотя именно так наверняка поступила бы Нив.

Нив. Арик. Раффи закрылся от горя, отчаяния и вораха других, перемешанных с ними эмоций, отодвинул все чувства подальше от себя и удерживал их там усилием воли – и вином, когда воля не справлялась. Вчера он вспомнил о скором дне рождения Арика, разум вытолкнул информацию будто бы случайно; но, хоть он и опустошил почти сразу после этого целую бутылку вина, в действительности Раффи почти не горевал. Ему не хватало времени. И сил. Когда все это разрешится, когда он наконец вернет Нив, тогда они смогут горевать вместе.

Хотя мысль о *вместе* и казалась ему безумно странной.

Он любил Нив. Любил с самого их детства. Но уловить суть этой любви было намного труднее, чем осознать сам факт, – уловить ее природу и форму, понять, какое место это чувство занимает в его груди. Раффи любил Нив, но знал ли ее вообще? До всего этого ему казалось,

что знал. До леса и Рэд, до белых деревьев в Святилище, до того, как она втянула в себя тьму и исчезла под землей.

Увидев, на что она способна, на что она готова пойти, Раффи понял, что все-таки не знал ее совсем.

Сейчас весь рой нескончаемых мыслей отступил далеко – когда убийца, которого он готов был встретить со дня возвращения в столицу, наконец пробрался в его комнату.

Раффи лежал без рубашки в кровати и шурился в темноту, глядя на того, кто скрывался в тенях. Перед тем, как убийца его разбудил, Раффи снился сон: огромное белое дерево, увитое сплетениями черных и золотых линий.

Остатки сна еще плавали в уголках его сознания, пока он следил за крадущейся по комнате фигурой сквозь опущенные ресницы, едва приоткрыв глаза. Раффи старался дышать глубоко и ровно и лежать расслабленно. И руку под подушку, где всегда держал наготове короткий кинжал, запустил так, словно просто заворочался во сне.

Убийцу это движение не спугнуло. Он и одет-то был как будто не для такой работы – весь в черном, да, но его наряд казался то ли робой, то ли платьем. Впрочем, это наверняка была игра света.

Темная фигура подобралась ближе. Блеска клинка не видно, но есть и другие способы убить. Раффи крепче стиснул рукоять кинжала под подушкой. Надо узнать, кто его подослал, прежде, чем прикончить. Сейчас почти все вокруг виделись Раффи возможными врагами, но было нелишним узнать, кто именно оказался самым смелым.

Когда человек подкрался достаточно близко, чтобы заметить его прищур, Раффи опустил веки. Глубоко вдохнул через нос, стараясь успокоиться и вспоминая навыки, освоенные за год тренировок с тором. Щеку ему чуть обдало теплым дыханием – убийца склонился вплотную.

Раффи зарычал и резко сел, рассекая кинжалом воздух и задерживая острие клинка прямо под горлом темной фигуры.

– Короли и тени, Раффи! – Звонкий смех. Знакомый. – Ты проворнее, чем я думала!

Он сузил глаза, привыкая к сумраку и вглядываясь в игривую улыбку той, кому приставил к шее кинжал.

– Каю?

Окада Каю, третья дочь императора Ниоха, блеснула зубами в лунном свете, поднимая руку и сбрасывая капюшон. Длинные прямые волосы водопадом рассыпались у нее по плечам, и она раздраженно тряхнула головой.

– Скажу честно, ты меня впечатлил. – Девушка подчеркнуто аккуратно оттолкнула лезвие его кинжала пальцем, отошла к столу, чиркнула спичкой и зажгла наполовину оплывшую свечку. Скрестила руки и обернулась к Раффи, глядя на него скрывшимися в тенях глазами. – Когда мне оставались до тебя считанные дюймы, а ты все спал, я уже решила, что тебе конец.

– Так ты *собиралась* меня убить?

– Конечно нет. Просто хотела проверить, *смогу* ли.

– Это не очень утешает, знаешь ли.

– Мне хотелось испробовать одну технику, о которой я сегодня прочитала. Короли Элкирата обучали своих стражей двигаться почти бесшумно, перенося вес только на пятки. Понимаешь, поначалу кажется, что разумнее идти на носках, мы же всегда крадемся на цыпочках, пытаюсь быть тише, но на самом деле так легче потерять равновесие и споткнуться...

– Ты шла не бесшумно. Я проснулся.

– Ну, короли Элкирата не обучали *меня*.

Раффи провел рукой по лицу. Официально Каю прибыла в Валлейду, чтобы пользоваться библиотекой, и тем самым пополнила строй книжных девиц, ставших для него занозами в заднице. Сначала близняшки Валедрен, а теперь и Окада. Похоже, он обречен иметь дело с таким типом женщин.

Она приехала три дня назад, без свиты и почти без вещей. Предъявила письмо, подписанное Айлой – тоже *тот еще* удар под дых, – в котором принцессу Ниоха приглашали оставаться в Валлейде, сколько она пожелает, и заверяли, что двор будет бесконечно рад ее принимать, пока она обучается навигации.

В четырнадцать лет Раффи сам получил почти такое же послание и прибыл сюда изучать торговые маршруты.

Явившись в начале осени, Каю не могла рассчитывать немедленно приступить к учебной программе с кем-то из преподавателей Валлейды, потому что все они разъехались по своим имениям и готовились к быстро наступающим холодам. Но ее это, кажется, не беспокоило.

Каю облизнула кончик пальца и лениво провела им сквозь пламя свечи. Она старалась держаться беспечно, но все равно выглядела напряженной, будто ей было намного неуютнее находиться в мужской спальне среди ночи, чем она желала ему показать.

Раффи прищурился, глядя на пляшущий огонек.

– Не подумал бы, что, приехав изучать навигацию, ты станешь тратить время на чтиво о техниках элкиратских убийц.

– Мне многое интересно.

– Однако именно это может быть интересно тому, кто замыслил захватить трон.

От этих слов Каю как будто немного расслабилась, словно такая прямота ее даже подбодрила. Но лицо ее по-прежнему ничего не выдавало, она не отрывала глаз от свечи и продолжала водить пальцем через огонь.

– То есть ты мне не веришь.

– Твоя семья отправила тебя сюда учиться, как только королева заболела. И это никак не связано с тем, что ты следующая должна наследовать трон Валлейды? Конечно, я тебе не верю.

Девушка снова напряглась, но ответила легкомысленно:

– Я тебя умоляю. Считаешь, Валлейда стоит того, чтобы затевать войну? Да на некоторых похоронах бывало поживее, чем при этом дворе. – Она пожала плечами, накручивая на палец прядку волос. – И я не знала, что королева больна. Последнее, о чем я слышала, – что она влезла в дела Ордена и принялась менять то, что не менялось веками. Нужно крепкое здоровье, чтобы заниматься подобным.

Упомянуть Нив было ошибкой. В груди у него одновременно разверзлась пустота и закипела злоба.

– Она скоро поправится, я уверена, – продолжила Каю. – Может, тогда будет бал. Я люблю балы. Сто лет уже не танцевала.

– Может, тебе стоит вернуться домой и уговорить отца устроить парочку?

Палец Каю замер, обмотанный черной прядью по костяшку. Любое упоминание об отце словно окатывало ее ведром ледяной воды в морозное утро.

– Мой отец охотнее утопит меня в море, чем устроит мне бал. – Она наконец отпустила волосы, отвела глаза. – И сколько еще раз напоминать тебе, что мои старшие сестры уже состоят в браке, одна с аристократкой из Элкирата, а вторая с отцовским казначеем, так что обе не годятся на роль королевы?

– Ты еще не в браке. – Любой претендентке на трон Валлейды полагалось быть незамужней или замужем за кем-то из придворных внутри страны. Каю приходилась четвероюродной сестрой Рэд и Нив по хитрому стечению обстоятельств – из-за чьей-то двоюродной тетки, что уже в почтенных годах развелась, вступила в новый брак с дворянином Ниоха и родила ему детей. Цепочка наследования была запутанной, но завершалась как раз на Каю, незамужней и потому подходящей на роль следующей королевы Валлейды.

Девушка скривила пухлые губы с непонятым Раффи выражением.

– Да, я не в браке. – Она помолчала, потом пренебрежительно махнула рукой. – Но и не свободна, поверь. И я его не хочу.

Непривлекательность трона Валлейды поистине была единственным, что играло им на руку сейчас, пока никто еще не знал, что долг Вторых Дочерей остался в прошлом. Раффи решил, что просто обязан держать это в тайне как можно дольше.

Тем не менее, хотела Каю этот трон или нет, прибытие возможной претендентки на корону буквально через несколько дней после пропажи Нив его встревожило.

Раффи задумался, уже в который раз, не поздно ли ему вернуться к бывшему изучению торговли и особенно поставок вина.

Небо за окном едва заметно окрасилось рассветными лучами, ночь разжимала кулаки и раскрывала пальцы нового утра. Раффи окончательно проснулся; пытаться засыпать снова было бессмысленно. Он сердито нахмурился, встал и замотал вокруг пояса одеяло, чтобы дойти до шкафа.

– Зачем еще ты сюда влезла ни свет, ни заря? Кроме отработки на мне твоей техники убийства. Что меня до сих пор огорчает, между прочим. Я ведь мог убить *тебя*.

– Я знала, что не убьешь – считай это плодом твоего очевидного благородства. – Каю села на деревянный стул у стены и подперла подбородок кулаком. – Ты *до боли* благороден, Раффи. До такой степени, что это не столько привлекает, сколько выводит из себя.

– По счастью, я не особо стремлюсь быть привлекательным. – Он распахнул шкаф так, чтобы скрыться от ее глаз за широкой дверью.

– Ни для кого, кроме королевы, хочешь сказать?

Раффи застыл со штанами в руках. Но уже через мгновение надевал их, стараясь двигаться как можно непринужденнее.

– С чего ты это взяла?

– Ну, например, у меня есть глаза. А ты, Раффи, ходишь с таким видом, будто у тебя на плечах целый мир. Ради кого еще ты стал бы таскать такой груз?

Он дернул рубашку слишком резко, чуть не разорвав шов.

Когда с одеванием было покончено и Раффи закрыл шкаф, Каю уже сидела на стуле, как положено принцессе – изящно скрестив щиколотки. Пламя свечи золотило кончики ее длинных прямых волос, почти иссиня-черных.

– Жду не дождусь встречи с ней, как только она поправится, – произнесла девушка. – Ужасно хочется познакомиться с дальней родственницей, что так тебя покорила.

От этих слов Раффи крепко стиснул зубы.

– Королева восстанавливает силы во Флориане и едва ли вернется прежде, чем ты уедешь. Жертва сестры тяжело ударила по ее здоровью.

По крайней мере, тут он не лгал.

– Во Флориане? – В полутьме мелькнуло что-то белое: Каю вытащила плотно сложенный лист бумаги из кармана, скрытого в складках юбки. – Как странно, в таком случае, что письмо о ней прислали из Рильта.

Рильт. Кири.

Проклятье, она не теряла времени даром.

Не было смысла играть в непонимание, да Раффи и не умел играть. Он быстро пересек комнату и требовательно протянул руку. Каю с улыбкой отдала ему письмо.

– Могу рассказать тебе, что там, если хочешь. Это несложно. Я даже почти расстроилась – только вчера читала о шифрах и подумала было, что выйдет попрактиковаться.

– Как я от тебя устал.

Он быстро просмотрел послание, бросил взгляд на подпись внизу листка прежде, чем вчитаться в основное содержание. Да, от Кири, конечно.

Черт, черт, *черт*.

– Откуда оно у тебя?

Каю ответила не сразу, сперва подняла на него взгляд, в котором будто промелькнула нерешительность. А может, ему просто показалось, слишком быстро все исчезло.

– Встретила посыльного на подходе к твоей комнате и сказала, что могу передать тебе письмо. – Она сверкнула улыбкой. – Думаю, он решил, что мы встречаемся в такой ранний час ради плотских утех.

– Чудесно, – пробормотал Раффи и вернулся к письму.

Зря он так надеялся, что бывшая Верховная Жрица окажется более не способной действовать, что травмы могут и правда лишить ее рассудка. Кири писала вежливо и сдержанно, давала понять, что разгадала его действия, но напрямую ни в чем не обличала. Благодарила за то, что он обеспечил ей дорогу, за отправленных следом сестер, *она уверена, что ему это многого стоило*. Говорила, что размещение их в Рильте было донельзя удачным решением; от этих слов у него мурашки побежали по шее.

Здесь, за морем, вдали от гула проклятого леса, прощай слышать, писала Кири. *И многие из прежде сомневавшихся сестер наконец обратились*.

Ерунда. Раффи хотелось верить, что все это ерунда. Но не получалось, не до конца.

Помимо прочего, Кири советовала не жалеть денег на то, чтобы обеспечить жрицам Валлейды покой, и от этой очевидной попытки вымогательства – пустячной угрозы в сравнении со всем остальным содержанием послания – ему пришлось проглотить усмешку.

А дальше, в самом конце – *Королева в добром здравии, спешу вас обрадовать. Ей предстоит отыскать свой ключ и пройти необходимый путь. Звезды хранят много историй, но у каждой в развязке Сердцедрево*.

Она все-таки оказалась безумной. Отлично. Просто изумительно.

Раффи сложил письмо и сунул его в карман, с трудом сдерживая кривую ухмылку.

– Верховная Жрица со своим Орденом отправилась в Рильт молиться за королеву. Молебны тем плодотворнее, чем больше жриц их возносит. – Это было высосано из пальца; Раффи не видел смысла в религии и знал лишь азы. Но эти слова он произнес тем поставленным вежливым тоном, который обычно берег для визитов родни, надеясь и сейчас придать вес явной чепухе. – Очевидно, Верховной Жрице нелегко под бременем такой ответственности.

– Очевидно, – согласилась Каю сухо и сдержанно. – Но зачем ей писать тебе?

– Королева доверила мне вести все дела, пока она поправляется.

Каю прищурилась.

– Доверила тебе, медусийцу, а не кому-либо из придворных Валлейды?

– Ты ничего не знаешь об этом дворе. – Раффи покачал головой. – Никому из них нет дела до проклятого трона.

Каю горько усмехнулась.

– Видишь? Править холодной и бедной страной, которая может заставить тебя принести своего ребенка в жертву, – не самая заманчивая возможность. Ни для меня, ни для других.

Из тела Раффи ушло привычное напряжение.

Это давало немного выдохнуть, пусть и осторожно, пусть и под гнетом всего, что могло ждать впереди. Раффи снова приблизился к шкафу, достал из его недр камзол и стал неторопливо надевать. Выжидая, что же предпримет дальше эта, тени ее раздери, девица, явно настроенная ему досаждать.

Все такая же прямая и чопорная, Каю кивнула, будто что-то уразумев.

Потом с характерной плавностью движений поднялась, скользнув черной юбкой по полу, и подошла к нему. Раффи был высокого роста, а Каю – совсем небольшого. Тем не менее, даже глядя на него снизу вверх, она не выглядела неуверенной.

– Если ты рассчитываешь все это повернуть, – произнесла она тихо, – тебе понадобятся деньги.

Это было так неожиданно, что у Раффи на миг отвисла челюсть.

Каю продолжила говорить, пользуясь его удивлением и на глазах превращаясь из легкомысленной принцесски-книжечки в нечто иное, жесткое как сталь.

– Путь до Рильта обходится дорого, и, похоже, сколько бы золота ты ни отправил с Кири, ей этого показалось мало. За зимние поставки припасов тоже будет нужно платить – я знаю, что Валлейда почти все завозит из-за границы, а если какие-то страны решат, что в отсутствие королевы цены можно задрать, все станет еще дороже обычного. Не говоря уже про некоторые перебои с платой за молебны. – Она помолчала. – И лекари для королевы тоже обходятся недешево, я уверена.

Это было проверкой; секундная заминка – и он ее не прошел. Каю снова кивнула.

– Так и думала. Тогда где она?

– Во Флориане.

– Да *брось* уже, Раффи.

Он стиснул губы в тонкую линию.

Каю закатила глаза.

– Ладно, не говори мне. – Она сдалась быстрее, чем можно было ожидать. – Во всяком случае, королева жива.

– Жива. И скоро вернется.

Это должно было прозвучать с вызовом, но она только опять кивнула, будто он лишь подтвердил что-то ей известное.

– Твое молчание, – он почти ощерился, – уверен, тоже обойдется недешево.

Она нахмурила резко изогнутые брови.

– За это платить не придется.

Растерянность лишила его дара речи.

Каю пожала плечами и отвела глаза.

– Я уже говорила, что ты до боли благороден. Благородство может погубить, особенно человека в чужой стране с пропавшей королевой. Я правда хочу помочь тебе, Раффи. – Она коротко печально улыбнулась. – Ты просто не справишься с таким в одиночку.

Раффи отчаянно старался снова не разинуть рот. Пришлось изо всех сил стиснуть челюсти.

Каю легонько постучала ему по груди там, где под камзолом в кармане рубашки скрывалось письмо.

– Подумай об этом.

Она уплыла к выходу и выскользнула из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Раффи какое-то время смотрел ей вслед, нервно проводя рукой по коротко остриженным волосам.

– Тени раздери всех пятерых королей на пяти сраных лошадях.

Глава четвертая

Нив

В башне было красиво. Грубой и резкой красотой, но тем не менее. Этого Нив не могла не признать.

Четыре окна открывались на все стороны света, по деревянным подоконникам вилась затейливая резьба, напоминающая завихрения теней. К одной стене прижимался почти пустой стеллаж, хранивший лишь строй сколотых глиняных горшков. В очаге рядом с ним неярко мерцали угли, рождавшие слабые язычки пламени. Бесцветный огонь выглядел странно. Порой он едва отличался от дыма.

Кроме стеллажа, из мебели в комнате были только стол, стул и узкая койка у дальней стены.

И ее гроб.

Нив застыла наверху лестницы, огромными глазами неотрывно глядя туда, где недавно пришла в себя. Крышка гроба – дымчатое стекло с прожилками тьмы – так и лежала наполовину сдвинутой с возвышения.

Здравствуй, Нив. Ты проснулась.

Первые слова, что встретили ее тогда, и даже на миг – совсем короткий – почти успокоили. Услышав человеческий голос в этом чужеродном мире, Нив поняла, что не одинока.

Теперь это совсем не успокаивало.

Солмир подошел к стеллажу, взял один из горшков и нахмурился, заглянув в него. Пробормотал себе под нос:

– Негусто. Но должно хватить.

На одной стенке стеллажа висела холщовая сумка; Солмир перекинул ее через плечо и засунул внутрь горсть чего бы там ни было из горшка. Заговорил уже громче:

– Что удобно в этом месте – так это отсутствие необходимости есть. Хоть какая-то польза от того, что ты в общем понимании не живой. И спать тоже нет особой нужды, хотя я все равно сплю. – Он дернул подбородком в сторону койки у стены. – Старая привычка, наверное. И делать больше почти нечего.

Нив его не слушала. Так и стояла в оцепенении.

Он заметил. Проследил синими глазами за направлением ее взгляда, посмотрел на гроб и изогнул губы.

– Что ты помнишь?

– Достаточно, – сипло ответила Нив. – Я помню рощу. Страж-древа. И...

Она подняла руку; согнула пальцы, сейчас бледно-серые, вспоминая, как тогда они были пропитаны тенями.

Договорить она не смогла, но Солмир кивнул. Что-то резкое и яркое мелькнуло у него в глазах.

– А как сделала этот выбор – ты помнишь?

Это был почти вызов, будто он ожидал, что она не признается. Но Нив просто пожала плечами.

– Да, – прошептала она. – И это помню.

И то, как она открыла глаза и увидела по другую сторону дымчатого стекла родное лицо. Рэд. Исцарапанную, испачканную землей, рыдающую. Колотящую кулаками по гробу в попытках достучаться и докричаться до сестры. Что-то внутри Нив даже мелко позлорадствовало при виде этой картины, при виде Рэд, так же отчаянно пытавшейся вытащить сестру, как сама Нив в эти долгие месяцы. Когда все еще казалось простым.

Помнила она и то, как посмотрела на свое тело. На раздутые пульсирующие вены, качавшие тьму, соединившие ее с перевернутой рощей страж-древ. Сделавшие ее вратами в подземный мир.

По ту сторону стекла было и другое лицо. Раффи. Даже сейчас от этого воспоминания грудь Нив будто пронзило стрелой. Раффи тоже кричал, Раффи пытался спасти ее. Всегда пытался, даже когда она уже сделала выбор, с головой окунувшись во мрак Святилища Валлейды и напоила кровью белые ветви.

Ради своей сестры, да. Но и ради других целей тоже.

Вот почему тогда в роще, даже имея другой выбор, она все равно втянула всю черноту в себя.

Нив снова подняла руки, наконец оторвала взгляд от гроба и посмотрела на свои ладони. В них по-прежнему не было ни следа черноты, но если попробовать призвать магию, как там, снаружи...

– Не выйдет. – Солмир подошел совершенно бесшумно и теперь стоял перед ней с непроницаемым лицом. – У тебя больше нет магии.

Нив сузила глаза.

– Если ты рассчитываешь меня контролировать, убедив в беспомощности, придется поискать другой подход. Я не была беспомощна ни единого дня в своей жизни, не стану и сейчас.

Солмир изогнул бровь и скривил губы в злой усмешке.

– Я бы никогда не посмел называть тебя беспомощной, Нивира.

Не стоило придавать этим словам значения, и все же внутри она торжествовала победу.

– Тем не менее, – продолжил Солмир, – отныне тебе придется обращаться с этой силой более продуманно. Потому что теперь она вся во мне.

Нив так и стояла, держа поднятые руки между ними, будто ждала, когда он вложит что-нибудь в ее раскрытые ладони.

– О чем ты говоришь?

– А ты уже забыла тот поцелуй? – У него блеснули глаза. – Я уязвлен.

Тот поцелуй, поцелуй без капли тепла и нежности – лишь дерзкий и просчитанный ход в замысловатой игре. Нив помнила опустошающую волну, прокатившуюся через все ее нутро.

Солмир постучал кончиком изящного бледного пальца ей по ладони.

– Тянуть магию прямо из Тенеземья слишком опасно. Оно тебя меняет, вплетается и вцепляется в тебя, привязывает к себе. Лучше брать силу из другого источника. Такого, что способен держать ее внутри и отдавать тебе по мере надобности.

– Ты. – Нив почти выплюнула это слово. – Ты – этот источник.

Солмир стиснул челюсти так, что проступили желваки, но улыбаться не прекратил.

– Точно.

Она сжала руки в кулаки.

– То есть я должна *целовать* тебя каждый раз, когда мне нужна моя магия?

Говорить, насколько ей ненавистна эта мысль, не пришлось; жгучая ледяная ярость в голосе Нив сказала все за нее. Да она скорее поцелует ту неведомую зубастую тварь из леса.

– Это не *твоя* магия, Нивира. Она не принадлежит никому и ничему, кроме себя самой. – Солмир вернулся к стеллажу, докинул в сумку еще несколько горстей чего-то из горшка. – И необязательно именно целовать, хотя это и наиболее действенный способ; уж не знаю почему – вероятно, просто в силу склонности Диколесья, Тенеземья и всех их порождений к дешевой драме. Но для передачи силы достаточно и прикосновения к коже.

Это было уже *лучше*, но ненамного.

Бросив последнюю пригоршню неизвестно чего в сумку, Солмир закинул ее за спину.

– Я оказал тебе огромную услугу, честно. Поверь, не стоит позволять Тенеземью изменять тебя сильнее, чем необходимо.

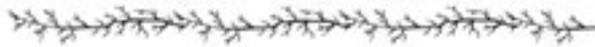
– И поэтому ты позволяешь ему изменять тебя?

– Я знаю, что делаю, – ответил он, благополучно избежав настоящего ответа. – И мне кажется, или ты за меня волнуешься?

Нив скрестила руки, с недовольством думая о том, что одета в его плащ. От ткани пахло хвоей, морозом и снегом.

– Волнуюсь, как бы ты не отрастил клыки.

– Пока не собираюсь. – Солмир развернулся и исчез в сумраке ступеней, вынуждая ее идти следом. – Увы, метки Тенеземья во мне глубже и неприметней.



Когда она смотрела только на стволы деревьев, ей почти удавалось представить, будто они вышли на обычную прогулку в нормальном лесу. Не то чтобы Нив часто гуляла в лесах – ей хватало всю жизнь нависавшего над ней призрака Диколесья – но сейчас эти фантазии занимали мысли и сдерживали вспышки паники, притаившейся где-то у нее под ребрами.

Впереди шел Солмир, даже не пытаясь подстроиться под ее скорость. Нив шаркала босыми ногами по утоптанной пыли, цеплялась за вросшие в нее ветки и мертвые растения и едва попевала за ним, стараясь не терять из виду длинные волосы. Солмир двигался, будто солдат в строю, уверенно и четко, держась прямо даже на неровной лесной почве. Что бы ни наполняло его сумку, оно неприятно похрустывало в такт шагам.

Ей стоило бы идти к нему поближе. Чтобы только протянуть руку, если понадобится магия.

Будь ты проклят, подумала Нив ему в спину. *Провались ты, короли и тени, в преисподнюю.*

Проклятье обернулось насмешкой. Невозможно было низвергнуть Солмира глубже, чем он уже оказался.

Нив бросила взгляд на свои руки, бледные, замерзшие и пустые. Попробовала сжать пальцы. В венах едва ощутимо кольнуло, но не появилось ни черноты в запястьях, ни льда на ладонях. Ей стало гадко от того, какой пустой она себя чувствовала без магии.

Она сказала Солмиру, что никогда не была и не будет беспомощной. И не солгала: она – Первая Дочь, она – королева. А Валлейда, при всех своих бесчисленных недостатках, хотя бы признавала, что не только тот, кто родился мужчиной и принимает эту роль, имеет право выбирать свой путь в жизни. Даже сейчас, когда магия – которую она не могла перестать считать *своей* – была скрыта в том, кого она так ненавидела, Нив не была беспомощной.

Но владеть силой и контролировать ее – разные вещи, а Нив хотела именно контроля.

Возможно, все было к лучшему, хотя мысль об этом и выводила ее из себя. Слова Солмира о том, что магия Тенеземья и Диколесья меняет людей, казались правдой.

Ведь Рэд изменилась.

От этой мысли у Нив заныло в груди, словно сердце стало слишком тяжелым и больше не помещалось внутри. Она вспомнила, как Рэд корчилась на изрезанном корнями полу Святилища, одичавшая, похожая больше на зверя, чем на ее сестру. Зелень билась у нее в венах и заливала глаза, обещая дальнейшее превращение.

Магический лес и его изнанка поглотили их обеих, одна увязла в деревьях, вторая – в тенях. Рэд связала судьбу с монстром, а Нив – со свергнутым богом.

Она прищурилась в спину Солмиру. Ей приходилось следовать за ним против воли, инстинкты заставляли держаться рядом со знакомым чудовищем, чтобы уберечься от сонма незнакомых, но чувства безопасности это не давало.

– Куда мы идем?

– Повидать друга. – Солмир не обернулся. Его растрепанные длинные волосы дымно-серым маяком светились в непроглядной черноте леса.

– *Друга.* – Она надеялась, что не выдала страха, что он спишет резкость тона на презрение. – Очередное чудовище, или что похуже? Или, может, ты солгал про стремление убить Королей, а теперь ведешь меня прямо к ним?

– Если ты готова поверить хоть во что-то из моих слов, – сказал Солмир, по-прежнему не оборачиваясь, – пусть это будет следующее: я не на одной стороне с Королями. Пора наконец уложить это в голове, Ваше Величество.

– Прекрати меня так называть. – Нив хотела, чтобы это прозвучало приказом, но ее словам никогда не хватало веса. – Прекрати меня так называть, если собрался использовать это как насмешку.

– Ты – королева, Нивира. – Ее имя в устах Солмира прозвучало резко, и он наконец обернулся к ней, остановившись посреди тропы. Даже под личиной Арика он почти никогда не называл ее просто Нив. – Тебе принадлежат корона и трон. Можешь считать меня старомодным, но я верю, что это требует от меня некоторого почтения.

У Нив что-то свело в животе.

– А ты – король.

Он плотно сжал губы.

– Был.

Нив не нашлась, что ответить.

Солмир сделал шаг назад, прочь от нее. Застыл, прижав опущенные руки к бокам, с непроницаемым лицом. Они зашли в тупик, два правителя, не согласных на уступки.

Он сдался первым. Поднял ладонь, потер шрам на виске, отвернулся обратно и продолжил шагать, снова почти беззаботно.

– Я понимаю, что это нелегко принять, – произнес он ровно. – Но все, что я пытался сделать – да, даже на поверхности, притворяясь бедным незадачливым Ариком, – действительно было ради убийства Королей. Ради того, чтобы обезвредить их прежде, чем они вернут себе власть и силу, противостоять которым ваш мир не готов. И никогда готов не будет. – Он мельком оглянулся через плечо, будто пытаясь увидеть ее реакцию и одновременно злясь на себя за это. – Все – Кири, Арик, та роца – было средством достижения цели. Как только остальные Короли оказались бы на той стороне, я бы их уничтожил.

По земле снова прокатилась дрожь, слабее, чем тогда в башне, но все равно сильная. Нив схватилась рукой за ближайшее перевернутое дерево и прижалась коленями к изгибу ствола. Солмир ни за что не держался, но все мышцы в его теле напряглись, Нив видела это по тому, как натянулась рубашка у него на плечах, а темная ткань штанин плотно обхватила бедра.

Будь проклята эта его красота. Насколько проще жилось бы, если бы все чудовища выглядели сообразно своей природе.

Едва земля успокоилась, Солмир тоже расслабился. Только губы теперь кривил не насмешливо, а встревоженно.

– Все хуже, – пробормотал он тихо. – Похоже, и правда осталось лишь трое.

Нив поднялась на подрагивающих ногах.

– Кажется, Тенеземье само себя прикончит, надо только подождать.

Она не думала этого всерьез, но Солмир поднял на нее крайне мрачный взгляд.

– Даже если оно рассыплется вместе с Королями, те не погибнут. Не до конца. – Он развернулся на пятке и широко зашагал через ветки, рассекавшие пыльную землю. – Нужно нечто большее, чтобы одолеть богов.

Они продолжили идти в тишине. Нив задрожала от холода и плотнее закуталась в плащ Солмира прежде, чем сама поняла, что делает. Ей тут же захотелось съежиться и отпихнуть ткань, но для этого она слишком мерзла.

Через некоторое время Солмир вздохнул, будто ее молчание на него давило.

– Я правда пытался сделать все самым щадящим способом, – сообщил он. – До того, как твоя сестра и ее Волк полезли под ноги.

Если он заговорит о Рэд еще раз, Нив разорвет его на части, упиваясь тем фактом, что он не может здесь умереть.

– Не думаю, что ты когда-либо в этой жизни делал что-либо ради чужого блага.

– Все бывает в первый раз.

– Ты для этого забрал всю мою магию? Чтобы доказать свои *благородные намерения*?

Он взглянул на нее вполоборота, полыхнув синим огнем глаз в серой дымке. Вздернул уголок губ в гримасе, ничуть не похожей на улыбку.

– Я не говорил, что сделал это из благородства, Нивира. Я знаю, что я такое.

Нив сжала губы в тонкую линию.

– Я забрал ее, потому что здешняя магия разлагает душу и может превратить тебя в монстра. – Он снова двинулся вперед, быстро и ловко перебираясь через сучья, скрытые под землей искаженного леса. Одна ветка проросла наружу; Солмир встал на нее и посмотрел на Нив сверху вниз. – Я не жду *благодарности*, не волнуйся.

Нив бросила на него взгляд исподлобья.

– Хоть на это тебе хватает ума.

Солмир в который раз скривил губы в злой не-улыбке. Учтиво склонил голову, спрыгнул на тропу и снова ушел вперед за перевернутые деревья. Протягивать Нив руку и помогать ей перебираться через ветку он не стал; она чуть не упала, ударившись босым пальцем о светлую кору.

– Если ты так хочешь уберечь мою душу от гнили, – Нив сверлила его спину взглядом и пыталась не замечать боли в ноге, – то почему не бережешь свою? Если она у тебя вообще есть.

– Есть, конечно. – Он ответил почти сердито. – Хотя и давно иссохшая и жалкая. Но я смог отвязать ее от магии в свое время. – Голос у него стал глухим. – Тот еще подвиг, если хочешь знать. Магия здесь склонна проникать до самого нутра, подчинять себе полностью. Так же, как и в Диколесье, насколько я знаю. Но я научился быть осторожным и не давать ей сливаться с душой.

– Тебе что теперь, медаль выдать?

Впереди быстро сверкнули синие глаза.

– Можно просто помолчать хоть минуту.

И, поскольку ее разум вконец затопило мыслями, в которых не получалось разобраться, Нив дала ему эту минуту.

Она шла, запрокинув голову и вглядываясь в клочки неба, что порой виднелись между тонкими корнями перевернутых деревьев. В сером воздухе как будто плыли слоистые облака, но, прищурившись, Нив поняла, что это тоже лишь корни – самые отдаленные и полускрытые клубами тумана.

– Я не заслуживаю твоего доверия. Сам знаю. – Солмир решительно смотрел вперед, шагал беспечно и произнес эти слова так, что они показались почти наигранными, будто он долго прокручивал их в голове, прежде чем наконец сказать. – Но тебе, к сожалению, все равно придется мне довериться.

– Когда-то уже доверилась. – Ответ прозвучал почти горько, и Нив возненавидела себя за неспособность стереть из голоса надрывные нотки. – И оказалась здесь.

Солмир крепче стиснул в пальцах ремень наплечной сумки.

Нив, прищурившись, глядела ему в спину, чувствуя, как у нее в груди зреет нечто острое и ядовитое, вопреки тому, что магии в ней сейчас не было.

– Хотя, может, и несправедливо утверждать, что я доверяла тебе, когда ты все время выдавал себя за другого. Ты лгал мне с самого начала, Солмир. Как можешь теперь просить о доверии?

Он обернулся. Быстро двинулся на нее – ловко, словно танцор, скользя по неровной, поросшей ветками земле – и навис над Нив, сложив руки за спиной, будто генерал над нерадивым солдатом.

– А ты проглотила всю ложь, не задавая лишних вопросов. – Его взгляд приковал ее к месту, обжигая холодом так же, как серебряные кольца леденили ей кожу. – Даже когда в глубине души понимала, что творится неладное. Даже когда знала, что я – не Арик.

– Ничего я не знала. – Но внутри у нее все свело отчаянной, как от падения, пустотой, повторявшей, что она знала, она знала, она знала.

– Не стоит так унижать свой разум. Ты могла не знать всей картины, не до конца понимать, что именно случилось, но подозрения у тебя были. Ты видела, что он изменился, и что на это повлияло нечто кроме Кири. Но ничего не говорила. – Он помолчал. – Даже когда догадалась, что они убили твою мать.

Очередное землетрясение избавило Нив от необходимости защищаться и делать вид, что все это ложь. Оно прокатилось крупной дрожью прямо под ними, Нив потеряла равновесие и налетела на Солмира. Тот вскинул руки, стараясь ее удержать, и ненароком коснулся ладонью ее предплечья, не прикрытого плащом.

Нив не стала долго думать. Она резко перевернула кисть и сомкнула пальцы на его запястье.

Солмир понял, что она делает. Вздрыгнул и попытался отшатнуться, но Нив успела потянуть его за руку, *притянуть* его, как планета – свою луну.

И скрытая в нем темная шипастая магия наконец полилась в ее пустые вены.

Сила обожгла ее укусами и вцепилась во внутренности, оставляя знакомые раны. Тьма затопила ее ладонь и пальцы, побежала чернилами по венам вверх, к плечу, и через сердце – снова вниз, вливаясь в свободную руку.

Солмир попытался вывернуться из захвата, но Нив снова оказалась быстрее. Она раскрыла между ними подернутую инеем ладонь, будто бы что-то ему протягивая; это что-то оказалось ежевичной плетью, утыканной колючками длиной с кинжал и вцепившейся в него ошейником, который он был не в силах сорвать.

Но испуганным Солмир не выглядел, нисколько. Наоборот, казался почти довольным.

– Да, – прошептал он. – Похоже, это отлично сработает.

– Ты говорил, что не причастен к убийству моей матери. – Голос Нив был совершенно спокойным. В этом крылось ее отличие от Рэд, одно из многих – у сестры эмоции всегда были на виду, она никогда даже не пыталась их прятать. Нив же искусно хоронила их в самой глубине души, как можно дальше, и разбиралась с ними позже, если разбиралась вообще.

– Не причастен. – Солмир ответил не менее спокойно, невзирая на порожденные тенью шипы, впившиеся ему в шею. – Все убийства совершила Кири. Но именно тогда ты все поняла. Почувствовала, что происходящее выходит далеко за рамки твоих личных целей. И ничего не стала делать.

– Как и ты. – Ее пальцы дрогнули; шипы сдавили горло Солмира сильнее, и Нив заметила, как он коротко скривил губы. – Ты сказал, что пытался все повернуть так, чтобы не ранить меня, но, когда увидел, как все развивается, не стал *ничего* менять.

– А ты хотела этого? – Выражение лица у него стало жестким. – Ты же ни разу не попросила меня все прекратить.

Нив оскалила зубы.

– Не мне служить твоей совестью.

Солмир сверкнул глазами и огрызнулся в ответ:

– Не мне служить твоей волей.

Они застыли, скованные магией – королева, и король, и тьма подземного мира.

– Все должно было случиться именно так. – Солмир чуть шевельнулся, колючий ошейник снова впился ему в шею. Один шип уткнулся в его горло так, что натянул кожу, но все же ее не проткнул. – Именно вы должны были остановить их и уничтожить, чтобы они не смогли перекроить ваш мир под себя. Именно ты и Рэдарис.

– Она могла просто сбежать. – Нив замотала головой, чувствуя мурашки на коже от того, как этот давно знакомый спор разгорается в совершенно чуждом месте. – Если бы Рэд меня послушала и не пошла к Волку, ничего этого не случилось бы.

– Ты знаешь, что это не так. Ты сама приняла решения, приведшие тебя сюда, Нивиру. Точно так же, как она приняла свои. Вы могли попытаться сбежать, но она была рождена для Волка, а ты – для трона, и предназначение отыскало бы вас, куда бы вы ни спрятались.

Ее решения. Позволить Кири убедить себя, будто есть способ спасти Рэд от судьбы, которую та приняла по доброй воле. Пролить кровь на обломки страж-древ, чтобы вырастить искаженную рощу. Вобрать в себя всю темную магию, лежа в стеклянном гробу.

Она делала все это, чтобы получить хоть немного контроля, и все это привело ее к одному. К решению *уйти*, тому же, что приняла Рэд; тому, что они обе приняли в попытках спасти друг друга.

Все неизбежно сводилось к двум девушкам и лесам.

Солмир взирал на нее свысока, непостижимым образом надменный даже в ошейнике из шипов. Его глаза блестели осколками неба в месте, где неба не существовало, длинные волосы падали на рваные шрамы на лбу.

– Вы меня освободите, Ваше Величество?

– А ты сам не способен освободиться? – Вопрос вышел насмешливым, ну и пусть. Видят короли и тени, он над ней сегодня насмеялся достаточно.

Солмир повел плечами, впервые не пытаясь делать вид, что ему все безразлично.

– Нет, пока не погложу еще несколько теневых тварей, – ответил он. – Наши запасы магии иссякают, поскольку не могут восполняться прямо из Тенеземья, не принося разрушительных последствий. Тебе – боли и риска попросту рассыпаться, мне – дальнейшего износа и без того потрепанной души. – Он постучал пальцем по одному из шипов. – Это было чрезвычайно расточительно.

Нив злобно глянула на него, борясь с соблазном снова сдавить ему запястье и вытянуть еще немного из их ограниченного запаса магии ради того, чтобы запихнуть этот шип ему в рот. Потом выпрямила спину с королевским изяществом и уронила руку, отпуская магию так же инстинктивно, как до этого вырвала ее из Солмира – отпуская его, как комету со своей орбиты.

Шипы на его шее стали медленно ссыхаться, втягиваясь сами в себя. Потом обернулись струйками серого дыма и рассеялись в воздухе. Это напомнило Нив о том, как скончалось червеобразное чудовище, только сейчас тени не издавали звуков. Она выжала из магии все соки и сделала ее больше ни на что не пригодной.

Солмир продолжал стоять рядом, пока последние завитки дыма не рассеялись, – так близко к Нив, что она чувствовала на щеке его дыхание.

Потом он резко отвернулся и снова быстро ушел вперед.

– Идем. Мой друг ждет.

– Ты все еще не сказал мне, кто этот твой друг.

– Я не знаю, как ее звали раньше. Но здесь ее называют Швеей. – Король оглянулся через плечо. – Думаю, она тебе понравится.



Прежде чем поредеть, перевернутый лес стал гуще, стволы жались один к другому, словно нити на ткацком станке. Ветви под ногами переплетались и изгибались, мешая идти. Местами они складывались в безумное подобие лестниц, забираясь друг на друга и сползая обратно на землю, так что Нив несколько раз спотыкалась и едва не влетала в спину Солмиру. И каждый раз он заметно напрягался, будто ожидая, что она снова станет хватать его за руки и выкачивать магию. Нив старалась не слишком этим упиваться.

Шагая, они оба краем глаза следили за лесной чащей и прислушивались. Воспоминания о червеобразной твари были слишком свежи, и Нив совершенно не желала еще раз наткнуться на нечто подобное. Или худшее.

Но в искаженном лесу стояла тишина. Казалось, что кроме них двоих в нем никого не было на многие мили.

По земле в очередной раз прокатился гул. Они подобрались и замерли на переплетении ветвей, пережидая тряску. Молча беспокойно переглянулись. От этого повеяло какой-то общностью, которую они, похоже, осознали в один момент – Нив угрюмо скривилась, а Солмир едва заметно усмехнулся; отвернулись они тоже одновременно, и больше за всю дорогу не обменялись ни взглядом.

Наконец перевернутый лес начал редеть, деревья понемногу расступались. Они вышли на поляну, достаточно большую, чтобы Нив смогла рассмотреть то, что заменяло этому месту небо с похожими на облака сгустками в серой дали. Ветки деревьев здесь были тонкими и лежали плоско, змеясь по земле почти как положено корням.

В середине поляны стояла хижина. Она выглядела настолько нормальной, что Нив пришлось тарачиться на нее какое-то время, чтобы убедиться, что это не игра ее сознания. Совершенно обычная хижина, бревенчатая, с дымком из трубы, вьющимся в серое небо. Даже чертова *коза* паслась на дворе.

Нив нахмурилась, делая шаг вперед мимо Солмира, замороженная видом чего-то настолько нормального.

– Похоже, у Швей тут уютный домик, для такого-то местечка.

Брошенные вскользь и без задней мысли слова как будто задели Солмира сильнее, чем она ожидала. Он кивнул, задумчиво поджав губы.

– Да, был когда-то.

Коза во дворе посмотрела в их сторону. Только тогда Нив увидела, что у нее три глаза. Коза испустила блеющий звук, похожий на детский плач.

У Нив сердце подскочило к горлу; она попятилась, почти врезавшись в Солмира, потом дернулась в другую сторону, путаясь ногами в сорочке.

Солмир бросил взгляд на козу и пожал плечами.

– Тоже малое чудище. Довольно никчемное.

– Может, и никчемное, но крайне отталкивающее. – Сердце у нее перестало частить, и Нив расправила плечи. – Пять *Королей*.

– То, что ты говоришь это вместо проклятья, несказанно сбивает с толку, – проворчал Солмир.

Но Нив не обратила на это внимания. Она замерла, не сводя глаз с хижины, привлеченная скрипом открывающейся двери.

Которую толкнула определенно не человеческая рука.

Глава пятая

Нив

Все инстинкты требовали от Нив пятиться и бежать к перевернутым деревьям за спиной. Вместо этого она встала ровнее и плотно завернулась в плащ Солмира, будто в броню.

Король бросил на нее короткий взгляд, подняв похожую на порез бровь.

– Бояться нечего.

– А кто сказал, что я боюсь?

– Каждая чертова мелочь в тебе говорит, что ты боишься.

Нив это не понравилось, не понравилось понимание того, как легко он читает все ее чувства.

– Беспокоиться и бояться – не одно и то же.

– Если тебе легче так думать, Нивира.

Дверь тем временем продолжала неумолимо открываться, поддаваясь нажиму чего-то, похожего на... на паучьи лапы. По меньшей мере три таких лапы двигались слаженно, проделывая то же, что могла бы рука. Их покрывала колючая темная шерсть, и, хотя сумрак за дверью хижины скрадывал управлявшее ими тело, уже было видно, что сами они длиной почти в рост Нив.

– Что *это* такое? – Нив изо всех сил старалась говорить ровным голосом, но давалось ей это с трудом. Она ненавидела пауков. Всегда ненавидела. Ну *разумеется*, тут обнаружился громадный паук.

– Она, – Солмир сделал особое ударение на местоимении, – и есть Швея. И тебе правда не стоит ее бояться. Она ест только насекомых.

Это не слишком утешало, особенно если учесть, что Нив пока не встретила в Тенеземье ни единого.

Дверь отворилась полностью, став прямоугольной пастью в теле хижины. Одна за другой лапы – Швея – скрылись обратно в полумрак жилища. Судя по всему, иного приглашения, кроме распахнутой двери, ждать не стоило. Солмира это не смутило, и он двинулся к хижине, на ходу скидывая сумку с плеча.

На мгновение Нив захотелось остаться снаружи и предоставить Солмиру в одиночку вести какие-либо дела с этой Швеей. Но тут трехглазая коза опять уставилась на нее и испустила новое нелепое бляение – теперь похожее на сигнальный гудок корабля, словно каждый раз, открывая рот, тварь наугад выбирала звук из какого-то заученного списка, – и этого оказалось достаточно, чтобы Нив поспешила следом за Королем.

Тот остановился, немного не доходя до порога. Кивнул в сумрак за дверью, не то чтобы кланяясь, но обозначая почтение.

– Возлюбленная Древнего, я отрекаюсь от своей силы, входя в твои владения, и не подчиняюсь иным законам, кроме твоих, покуда греюсь у твоего очага.

С этими словами Солмир опустил сумку перед входом.

Изнутри хижины донесся короткий смешок, неожиданно мелодичный.

– Чую, немного в тебе силы, от которой можно отречься, некогда-Король. Колодец твой вычерпан почти до дна. Но я ценю этот жест. – Одна паучья лапа снова протянулась из тени, подцепила сумку и втащила ее внутрь. Раздался шумный удовлетворенный вдох, с которым сумку обнюхали, и резкий щелчок, как от клацнувших зубов. – Твое подношение принято. Добро пожаловать и тебе, и твоей гостье.

Солмир взглянул на Нив и ухмыльнулся.

– Последний шанс остаться снаружи. Может, подружишься с козой.

Нив не удостоила это предложение ответом и решительно переступила порог раньше Солмира, подавив в себе страх так, что от него остался только холодок под ребрами. Шагая мимо Короля, она крепко сжала пальцы в кулак, чтобы удержаться и не выбросить руку, зудящую желанием вцепиться ему в кожу и выкрасть еще клочок магии.

Привыкнув к сумраку, Нив обнаружила, что внутри хижины такая же обескураживающе нормальная, как и снаружи. Только с потолка, будто пучки сушеных трав, свисали какие-то ворсистые штуковины; приглядевшись, она поняла, что это лапки насекомых, щетинистые и изогнутые. Точно такие же, как те, которые Солмир засыпал в сумку в своей башне и только что преподнес Швее.

У Нив сам собой открылся рот. До сих пор ей казалось, что совершенно все в Тенеземье мертво, но, похоже, это было не совсем так, а Солмир, видимо, запасал останки насекомых для обмена на информацию. У нее в горле заскребся нервный смешок. Она долго обучалась торговле, но никогда не предположила бы, что предметом сделки могут стать сушеные лапки. Воистину, век живи – век учись.

Тесное пространство дома согревал потрескивающий бесцветный огонек в небольшом очаге. Посреди комнаты располагался крупный кусок цельного дерева – возможно, стол, хотя и без стульев вокруг. Его поверхность была заляпана чем-то темным и усыпана переливчатыми ошметками, похожими на обрывки крыльев. К одной стене жался простенький шкаф.

Когда смотреть на эту слегка искаженную нормальность стало невыносимо, Нив пришлось перевести взгляд на хозяйку хижины.

Женщину. По большей части, во всяком случае. Женщину с изящной шеей и прекрасным лицом, обрамленным волнами черных волос, одетую выше пояса в простую белую рубашку. Но только выше пояса она и выглядела нормальной. Там же, где должны были начинаться ноги, росли пучки паучьих лап много длиннее ее роста. Женщина улыбнулась, обнажив острые зубы и блеснув в пламени очага бесчисленными гранями глаз.

Во рту у Нив пересохло, но будучи королевой – и услышав, как торжественно Солмир приветствовал это создание за порогом, – она обязана была выказать Швее то же почтение, что и любому дворянину своего королевства. Вот почему вместо того, чтобы заорать и выбежать вон из хижины, она склонила голову.

– Благодарю за гостеприимство.

Швея заулыбалась шире, развеселившись.

– Маленькая Королева Теней, наконец-то. – Шелест ее ответа был многослойным, словно голосов этому существу дали не меньше, чем конечностей, и все они сплелись воедино и говорили хором. Швея двинулась вперед на своих паучьих лапах, настолько плавно, что казалось, будто женское тело поплыло по шевелящимся черным волнам. – Мы слышали о тебе. Да, чрезвычайно много слышали о тебе и всех твоих деяниях. О вратах, что ты создала и потом закрыла. – Она кивнула, неожиданно серьезно. – Что и следовало сделать. Нет простых и коротких путей, как бы Солмиру того ни хотелось. Кому-то необходимо стать сосудом.

Королева Теней. Эти слова казались знакомыми, но Нив не могла с ходу вспомнить откуда.

– Кто-то *уже* стал сосудом. – Солмир закрыл за собой дверь и сложил руки за спиной, стараясь говорить беззаботно, вопреки сквозящему в его осанке напряжению. – Ты же сказала, что все почуяла. Я храню магию нашей маленькой королевы. Она ведь не хочет обернуться монстром.

– Почему бы и нет? – Швея склонила голову к Нив, черные локоны рассыпались у нее по плечам. – Ты ведь уже была близка к этому наверху, в своем мире. Здесь все почти так же. Только скрывать труднее.

– Ей не понравилась боль, – пояснил Солмир. – Не понравилось меняться.

Он говорил почти весело. Нив не стала оборачиваться и проверять, нацепил ли Король снова свою злобную усмешку; окажись она у него на губах, Нив было бы трудно удержаться от соблазна сорвать ее ногтями.

– Ах это! – Швея взмахнула рукой. – Что ж. Сила – это больно, Королева Теней, а все монстры – только в глазах смотрящего. Скоро ты поймешь.

Пол хижины задрожал так, что закачались останки насекомых под потолком и гроыхнул о стену шкаф.

– Судороги, – прошелестела Швея. – Агония умирающего мира.

– Они все сильнее. – Солмир подошел и встал рядом с Нив, скрестив руки на груди. – Два застали нас только по пути сюда.

Создание кивнуло.

– Мир трещит по швам со смертью каждого Древнего, расплзается все сильнее, делается все неустойчивее. С падением богов и магия распадается. Осталось лишь трое.

Впервые с тех пор, как Нив увидела его истинный облик, Солмир выглядел почти потерянным. И почти сочувствующим.

– Как я понимаю, твоего среди этих троих нет.

– Да. – Швея опустила веки и содрогнулась от горя, сначала женскими плечами, а потом и паучьими конечностями. – Да. Мой Ткач ушел.

Солмир вздохнул и потер глаза большим и указательным пальцами. На них блеснули серебряные кольца, и еще одно Нив заметила у него в ухе, когда Король смахнул назад прядь волос.

– Сердце мое горюет вместе с твоим.

– Горе мое умягается, разделенное с тобою.

Устаревшие слова, устоявшиеся бесконечно давно обороты будто вытолкнули Нив за пределы их разговора.

– Вас не затруднит общаться так, чтобы я вас понимала? – Ее голос прозвучал тонко, но повелительно. – Меня убедили, что времени осталось немного, и я бы хотела вернуться в свой мир как можно скорее.

Мгновение тишины. Потом Швея запрокинула голову и рассмеялась во все горло – прекрасным, мелодичным смехом, бесконечно не соответствующим ее ужасающему облику.

– Может, ты и не хранишь в себе магию, маленькая королева, но, кажется, это не способно тебя остановить. Ты шагаешь по жизни так, словно мир должен стелиться тебе под ноги и склоняться по взмаху твоей руки. – Швея раскрыла принесенную Солмиром сумку и принялась разбирать содержимое паучьими лапами, оставив человеческие руки мягко сложенными. – Все неизбежно должно было сойтись на Королеве Теней и Пронизанной-Золотом, на сосуде и вратах. Я говорила об этом Солмиру; дважды говорила – сперва тогда, когда он пытался привести сюда королеву, что принадлежала не ему, потом – когда он нашел путь на поверхность. Это место разительно изменило меня, но не отняло дара прозревать будущее. Звезды, чьи истории я читала когда-то, – все те же; и все так же они безразличны к желаниям Короля, никогда не желавшего того, что ему дается.

Солмир сощурил глаза, но первой заговорила Нив:

– Почему вы меня так называете? Королева Теней.

Швея пожала плечами.

– Потому что ты являешься ею, – просто ответила она. – Или, по крайней мере, скоро станешь.

Нив резко перевела взгляд на Солмира. Но если Король и знал что-то еще, он ничем этого не выдал, сохраняя непроницаемое выражение на холодном красивом лице.

– Королева Теней для трона, – задумчиво проговорила женщина-паучиха. Изогнула несколько коленчатых лап так, что они сложились позади нее в собственный темный трон, на

котором она как будто теперь восседала. Разобранные на аккуратные кучки останки насекомых лежали перед ней на столе. – Хотя и не для того трона, что ты всегда полагала. Волки и леса, троны и тени, целые миры теперь заключены в почти человеческих телах. Ты и твоя сестра были частью этого с самого начала, вы обе завязли в этом глубже, чем себе представляете.

Сердце Нив дрогнуло при слове *сестра*; она и сама не успела понять, от страха или от надежды, или от их мучительной смеси.

– Что вам известно о Рэд?

Швея склонила голову.

– Лишь то, что когда-то давно мне поведали звезды. Что она станет воплощенным светом, тогда как ты – наоборот.

Свет и тьма. Именно так с ними двумя все и обстояло всю жизнь. Полные противоположности, кривые отражения друг друга.

– С ней все в порядке?

– Мне неизвестно то, что происходит на поверхности, – ответила Швея. – Но ежели что-то случилось бы с Леди Волк, ты бы узнала.

Только этим Нив и удавалось из раза в раз себя успокаивать. Да, если бы Рэд умерла, Нив бы узнала.

Теперь она задумалась, взаимно ли это. Ощущает ли сейчас Рэд ее отсутствие так же остро, как ощущала его Нив, когда сестра скрылась в Диколесье.

– Не тревожься, Королева Теней. Вы с ней еще найдете свой путь друг к другу. Это предопределено, и лишь обстоятельства могут сложиться различные. – Швея перевела фасеточные глаза с Нив на Солмира. – Но сперва вам нужно отыскать Сердцедрево.

Нив словно почувствовала эти заглавные буквы: сказанное несло в себе больше значения, чем способен был передать звук. Ничто в самих словах не могло породить внутри ее такую тянущую пустоту.

Солмир крепче стиснул скрещенные на груди руки. От этого тонкое полотно его рубашки натянулось, и под ним стали заметны размытые очертания странной татуировки, обвивавшей руку ниже плеча.

– Я так и подумал, – проворчал он. – Похоже, это единственная дверь между мирами, которая все-таки способна открыться.

Раздражение в его голосе выдавало, что он вспоминает провалившийся план – проход прямо в земле, кровь на ветвях и – посреди всего этого – Нив.

– Можно заставить открыться и другие пути, безусловно. – Швея пренебрежительно взмахнула рукой. – Но лишь Сердцедрево достаточно сильно, чтобы притянуть к себе Королей.

Нив застыла. Солмир молчал, но в глазах у него тлел огонь.

– Это не имеет значения, больше не имеет, – договорила Швея. – Нам нужно сосредоточиться на том, что точно сработает.

– И где его искать? – спросил Солмир негромким холодным голосом. Стараясь скрыть за надменными нотками тревогу. Нив сразу это поняла – она и сама так делала.

– Там же, где и всегда. – Наконец разобрав все содержимое сумки, Швея принялась длинными лапами подбирать и подвешивать кусочки насекомых к потолочным балкам. – Перевернутый замок. Дом, ставший темным отражением.

Солмир стиснул зубы так сильно, что Нив почти расслышала скрип.

– Но там все так же распадается, как и повсюду. – Швея извлекла из горки конечностей одну ножку и закинула ее в рот. – Каждому из вас понадобится сила Древнего, чтобы войти в чертог Сердцедрева. На ваше счастье, осталось еще трое, так что вы можете выбрать, которых желаете уничтожить.

Нив подумала о червеобразной твари, обо всех этих зубах, и у нее похолодели руки. Насколько ужаснее должны оказаться Древние?

– Змий, Оракул и Левиафан. – Швея перечислила имена оставшихся богов с набитым ртом, загибая пальцы человеческой руки. – На вашем месте я бы выбрала первых двух. Змий и без того при смерти, истощенный сопротивлением зову Святылища, а с Оракулом справиться должно быть легче, чем с Левиафаном, из-за того, что ты его приковал.

Солмир издал невнятный звук – не согласие и не отрицание.

Швея опустила руки на стол и склонилась вперед, так что лицо ее скрылось за длинными волосами.

– Мой Ткач предложил бы вам свою силу, останься он здесь, – тихо добавила она. – Он был полон благородства и готовности принять смерть ради высшей цели. И понимал, что все должно завершаться, что слепленный из теней мир не может существовать вечно.

На краткий миг горе Швеи ощутимо повисло в пыльном воздухе.

– Ты можешь поведать нам, как распался твой бог, если желаешь. – Солмир мягко переступил с ноги на ногу. – Так, может быть, легче справиться.

Нив нахмурилась и исподтишка бросила на него полный удивления взгляд. Голос у Короля был почти... добрым.

Швея закрыла странные многогранные глаза и вздохнула.

– Для меня будет честью передать тебе его историю, если ты согласен принять ее.

– Для меня будет честью принять его историю, если ты согласна передать ее.

Снова дань традициям и церемониям, неведомым Нив. Траурный ритуал, о каком она никогда не слышала. И Солмир, старающийся немного утешить это скорбящее существо.

У Нив свело живот.

Швея взяла в пальцы прядь волос и принялась бездумно ее заплетать. Нив и сама часто так занимала чем-нибудь руки, когда ее разум осаждали бушующие мысли.

– Меня там не было, – начала Швея с оттенком стыда в голосе. – Мой Ткач не жил со мной; он оставался вольным созданием. Он странствовал меж деревьев, но всегда возвращался. А потом не вернулся. – Она прерывисто вдохнула. – Часы и дни не имеют значения в месте, где ничто не меняется, но, когда его не было уже так долго, что сердце мое заболело от разлуки, я поняла, что случилось непоправимое.

Нив скользнула глазами по Солмиру. Бывший Король по-прежнему стоял, скрестив руки и стиснув зубы, но в глазах у него плескалось нечто кроме привычного холода. Может быть, жалость. Или чувство вины.

– Я не божество, – продолжила Швея. – Только их влечет сила; ее притяжение тащит их – как бы они ни противились – или к Святылищу, хранящему бездны магии, или к открытым вратам между мирами. Я не чувствовала этого притяжения, а мой Ткач – чувствовал. И наконец оно стало слишком сильно. Мой Ткач отправился к Королям и вошел в их Святылище, неспособный остановиться. – Еще один прерывистый вдох. – Они пронзили моего бога костями одного из других; Дракона, быть может, или Сокола – одного из тех, кто поддался зову раньше. И втянули все его силы в себя. И теперь моего Ткача нет.

Чудовищная история в чудовищном мире; женщина, искаженная любовью божества-монстра. И все же сердце Нив тоже наполнилось горем, человеческие чувства откликнулись на нечто столь нечеловеческое.

– Я ощутила это, – проговорила Швея. – Так мы были связаны, мой Ткач и я. Ради его любви я предала свою человеческую природу. И часть меня верила, что я умру вместе с ним. – Мгновение тишины. – Жаль, что этого не случилось.

Она умолкла. Никто не нарушал повисшее молчание. Нив думала о том, как странно, что в ней отозвались эмоции этого чудовищного создания. Что они ничем не отличались от ее собственных.

Швея задумчиво подперла голову коленчатой лапой.

– Я больше не ощущаю хода времени, но знаю, что его прошло немало с тех пор, как они забрали моего Ткача. Почему ты появился только теперь, некогда-Король?

– Пробовал другие варианты. – Солмир блеснул глазами; вся мягкость, проступившая в нем, пока Швея делилась своей утратой, исчезла, он снова стал холодным и резким. – Те, которые ты называла бесполезными.

Швея усмехнулась, слегка зажав губу острыми зубами.

– Не стану говорить «я же говорила».

– Все могло получиться, но возникли... трудности, – проворчал Солмир.

Трудности в виде Рэд и ее Волка. Даже теперь Нив не представляла, что об этом думать. После всего того, что она сотворила в попытках спасти сестру, которая этого спасения не пожелала; которая уютно обжила свой жертвенный алтарь.

– Не получилось бы, – сухо заявила Швея. – Открытые между мирами проходы влекут к себе богов, безусловно, но лишь Сердцедрево настолько сильно, чтобы притянуть Королей. Они ощутили твои врата и, несомненно, отчаянно пытались к ним устремиться. Но у них ничего не могло получиться. Не в нынешнем состоянии.

Солмир метнул взгляд на Нив, но синяя вспышка была слишком короткой, чтобы та хотя бы попыталась прочесть выражение его глаз.

Швея выбрала еще кусочек насекомого из горки подношений.

– Наделал ты дел, некогда-Король. Я ощутила разрыв – все мы здесь, на окраинах, его ощутили, хотя он и был слишком слаб, чтобы привлечь к себе Древних – но я не предполагала, что его открыл ты. Думала, что наверх вырвалась тень или малое чудовище. Я должна была почувствовать, что вышел кто-то с душой.

– Я теперь не значительнее любого из малых чудовищ, – ответил Солмир. – А душа у меня мелкая и жалкая.

– И все же примечательно, что она еще есть. – Швея откинулась назад и задумчиво пожевала. – Моя канула в этом месте давным-давно, слилась с тьмой, и грязью, и гнилью, когда я призвала магию и дала ей себя изменить. Я даже не помню, какого цвета у меня были глаза.

– Твоя душа была обречена задолго до того, как ты пришла сюда, я полагаю, – иначе ты бы не полюбила Ткача. – Это прозвучало шутливо и совершенно не похоже на *насмешки* Солмира. Огонек в его глазах не был злобным, и говорил он свободнее.

– Горшки и котелки! – Швея щелкнула кончиками паучьих лап, будто пальцами. – Я не желала тебя обидеть. Долгая дружба заставляет позабыть о манерах.

– Вот я о них точно позабыл. – Одним плавным, словно бы отработанным движением Солмир опустил на колено. Поднял сжатый кулак и задержал его возле лба, склонив голову к пыльному полу хижины.

У Нив от удивления брови поползли на лоб; она покосилась на Швею, ожидая увидеть схожую растерянность. Однако жест Солмира скорее не поразил это существо, а растрогал – словно коленопреклонение было очередным неведомым Нив ритуалом богов и чудовищ.

Фасеточные глаза расширились, и Швея на неверных паучьих лапах попятилась, вскинув одну руку к груди.

– О, некогда-Король, оставь! – Она то ли засмеялась, то ли всхлипнула. – Я не божество. Я не заслуживаю почтения большего, чем слова приветствия.

– Ты – Возлюбленная Ткача. – И снова Нив прочувствовала эту заглавную букву, словно *Возлюбленная* было титулом ничуть не меньшим, чем Королева Теней. – А Ткач ушел. Я выказываю тебе то почтение, что выказал бы ему. – Солмир поднял голову, с серьезным лицом, без единого следа пренебрежения, которое Нив привыкла считать для него нормой. – Всякий, сумевший заставить Древнего полюбить, заслуживает почтения.

Швея горько улыбнулась.

– Ты полагаешь, что любить так трудно, – мягко сказала она. – Что это чем-то чревато. Но порой это самое простое, даже когда трудно все остальное.

Солмир ничего не ответил. Но когда он поднялся, его губы уже снова были сжаты в тонкую линию, а на лице застыли высокомерие и холод. Нив смотрела на него, прищурившись – не понимая, как сложить все эти многообразные проявления в единую картину. В Солмире явно было нечто кроме злобы и тщеславия, но Нив не удавалось отыскать бреши в этой броне, чтобы рассмотреть что-либо под ней.

Королева Теней.

Нив вздрогнула. Повернула голову, пытаясь увидеть того, кто шепнул это ей на ухо. Но в хижине больше никого не оказалось, и рядом с ней была только...

Швея. Она не сводила с Нив своих странных завораживающих глаз, и губы у нее не двигались. Но это была она. Она говорила, неведомым образом, у Нив в голове.

Я познала возможности этого места, узнала, что, если раствориться в нем, оно позволяет разумам общаться напрямую. – Голос казался удивленным, насколько может быть удивленным бесплотный звук. – Поглотив тени, ты поглотила и частицу этого мира, маленькая королева, и теперь его порождения способны говорить с тобой через нее. Ты втянула нас в себя, когда втянула магию рои. И хотя ныне эту магию держит в себе некогда-Король, внутри тебя она тоже оставила следы. Оставила шрамы. В голове Нив разнеслось что-то вроде вдоха. Я так устала от этого. От всего.

Нив бросила взгляд на Солмира – но тот изучал пучки насекомых, свисавшие со стропил. Слова любимой Древнего предназначались только Нив и звучали только в ее сознании.

Когда-то я была такой же, как ты, продолжила Швея. Человеческой девочкой, попавшей в сети, о каких не могла и помыслить. Ткач на поверхности был совершенно иным, но я уже тогда полюбила его достаточно, чтобы последовать за ним в изгнание. А к тому времени, как увидела его истинный облик, и сама изменилась настолько, что он стал для меня прекрасным. Она помолчала. Чудовищность – любопытное явление. В самом корне, в самом простом определении, чудовище – это лишь нечто отличное от того, что кажется верным. Но кто же решает, что именно должно быть верным?

Нив подумала о черных венах и ледяной корке, о шипах на месте цветов. Подумала о Рэд с текущей под кожей зеленью. Солмир хранил магию Нив, потому что знал, как уберечься от изменений – по крайней мере, так он заявил. Но что, если забрать у него силу? Она станет такой же, как Швея?

Не такой же, ответила та. И хихикнула. Было что-то крайне обескураживающее в том, чтобы слышать в мыслях чужой смех. Однажды придет время вбирать в себя магию. Или что-нибудь еще. В этом мире многое придется взять на себя. И вам двоим нужно будет решить, кому что достанется, Королева Теней.

Что это значит? Нив определенно не хватало опыта в мысленных беседах. *Быть Королевой Теней?*

Швея долго молчала прежде, чем наконец ответила. *Это зависит исключительно от тебя.*

– Нивира?

Голос Солмира разрушил транс, в который Швея погрузила Нив. Она встряхнула головой, разгоняя призрачное хихиканье паучихи.

– Да?

Король перевел взгляд с нее на Швею и, судя по выгнутой брови, все понял.

– Вот как. Значит, в твоей голове они тоже могут говорить.

– *Тожже?* – Нив неосознанно потянулась ладонью ко лбу, словно сознание было чем-то материальным, способным укрыться за таким щитом. – То есть тут все читают мысли?

Швея весело хохотнула у очага.

– Не все так просто, – заверила она Нив. – Нужна огромная сила, чтобы общаться посредством разумов. Древние на это способны, и Короли тоже, правда, лишь находясь в непосредственной близости. И часть Возлюбленных, таких, как я, хотя теперь я одна и осталась. Если не считать ту жуткую куклу, которую Левиафан слепил из тела своей любви, но лично я ее определенно не считаю. – Она изящно пожала плечами. – И даже если некто говорит в твоём разуме, это не значит, что он способен его читать. Для этого нужно твоё позволение. – Её губы тронула улыбка, самую малость коварная. – Сосредоточься на том, чтобы их не впускать, Королева Теней. Остальные будут не такими добрыми, как я. Они утащат твои мысли, как плохо лежащее золото, и даже не удостоят тебя чести это заметить.

Нив рывком развернулась к Солмиру, оскалив зубы.

– Если ты попытаешься залезть в моё сознание, клянусь, я выцарапаю мозги у тебя из черепа.

Он вскинул ладони, словно сдаваясь, и неприятно ухмыльнулся, хотя в глазах у него и читалось нечто менее однозначное.

– Я больше не Король, Нивира. Не настолько, чтобы это имело значение. Я не способен проникать в твой разум. – Ухмылка расплзлась шире. – Любые твои грязные помыслы обо мне в безопасности.

Нив не сочла *это* достойным ответа, и все же едва не раскрошила себе зубы, стараясь удерживать рот закрытым.

Швея издала очередной переливчатый смешок.

– Как бы теперь все ни обернулось, тебе хотя бы не будет скучно, некогда-Король.

– Возможно, я бы лучше поскучал, – пробормотал тот, все еще не опуская ладоней и сверкая глазами.

Воздух между ними заискрился, как перед грозой; потом Солмир наконец уронил руки. Отвернулся от Нив с таким пренебрежением, что у той от гнева загорелись щеки.

– Если Сердцедрево на прежнем месте, то, полагаю, и остальные Короли тоже там? Пытаются вынудить его открыться?

Швея взяла со шкафа за спиной кружку и принялась наполнять ее из чайника, снятого с очага.

– Сколько уже времени ты не видел остальных, Солмир? Ты порвал с ними так давно. Сразу после того, как впервые пошел к Сердцедреву. Как впервые попытался выбраться наверх.

Глаза у него стали непроницаемыми.

– Разговор сейчас не об этом.

Паучья лапа и человеческая рука отмахнулись одновременно.

– Как скажешь. Я лишь отметила, что ты не видел других Королей веками. Как по-твоему, отчего они ждут, когда всех Древних затянет в Святилище, вместо того, чтобы просто найти и перебить их? Ведь не из праздного же интереса. А потому, что они не могут оттуда выйти. Они так глубоко зарылись в магию Тенеземья, что приковали себя к нему, вросли в него крепче, чем скала в землю. – Она глотнула густой мутной жидкости из своей кружки, запачкав зубы. – Они смогут покинуть Святилище, только если Сердцедрево откроется. Лишь его силы достаточно, чтобы отвязать их и вытащить наружу.

Удивление чертам Солмира тоже давалось с трудом. Челюсть у него на мгновение отвисла, потом захлопнулась со щелчком, а рука, которой он потянулся к неровным шрамам на лбу, чуть заметно дрожала.

– Тела Королей в ловушке, но не позволяй этому усыпить твою бдительность. Они все так же способны управлять своими помыслами, высылать проекции самих себя. И пусть проекции не могут тебя тронуть, это может тьма, которой они повелевают. – Швея слизнула мутную жидкость с острых зубов. – Здесь все и всегда опасно. Не позволяй себе заблуждаться, считая, что будет просто.

Солмир стоял, сжав губы и сузив глаза. Он выглядел как человек, решающий в уме сложнейшее уравнение, будто эта новая информация повлияла на его прежние планы и теперь их нужно было менять.

– Если они сочтут, что мы просто хотим открыть Древо, – проговорил он, – у них не будет причин мешать нам. Они подумают, что мы пытаемся их выпустить.

– Они не глупцы, – отрезала Швея. – Короли знают, Солмир: что бы ты ни предпринял, это отнюдь не в их интересах. Они не поверят, что ты так легко принял судьбу. – Она пожала плечами, опустила на стол кружку, снова отвернулась к шкафу и вытянула нечто из его глубин, так быстро шевеля коленчатыми лапами, что Нив ничего не разглядела. – Я не знаю, станут ли они мешать тебе добраться до Древа, но уж точно не станут расслаиваться, когда ты до него доберешься. Ты ведешь непростую игру, и невозможно предугадать, какие ходы они сделают.

– Что за судьба? – спросила Нив, оборачиваясь к Солмиру. Она старалась говорить холодно и держать непроницаемое лицо. – Что за судьба, которую ты не принял?

Он снова сверкнул глазами, будто оценивая выгоды; видимо, ей стоило ожидать этого в любых беседах с ним. Каждое слово, слетавшее с губ Солмира, было тщательно взвешено и заточено до остроты.

– Остаться одним из них, – произнес он. – И никогда не быть ничем иным лишь потому, что однажды был Королем.

Нив собралась ответить чем-нибудь колким и резким. Но за этой его презрительной усмешкой едва заметно сквозила уязвимость, и – по ей самой неведомым причинам – она промолчала.

Швея отвернулась от шкафа, скрывая среди паучьих лап нечто, из него извлеченное.

– На вашем месте, – сказала она, оставляя без внимания часть беседы, произошедшую у нее за спиной, – я бы начала со Змия.

– Звучит так, словно он встретит нас с распростертыми объятиями, – отозвался Солмир.

– Так и есть, ведь он поймет, что значит ваше появление. Просуществовай достаточно долго, некогда-Король, и смерть покажется милостью. Ты, полагаю, еще не дождался этого. – Она помолчала. – Я дожила.

Небрежно брошенная мольба о смерти повисла в воздухе. Нив не смогла понять, удивился ли Солмир. Если и удивился, то в этот раз не выдал себя. На лице у него не мелькнуло ни единой эмоции; оно словно было высечено из мрамора.

Тишину нарушила Швея. Махнула рукой в угол хижины.

– Похоже, у тебя такой же размер, какой был у меня, когда мне еще требовались сапоги, Королева Теней. Поищи их там.

Нив ничуть не желала поворачиваться спиной к этим двоим, но ей *нужна* была обувь. Она пошла в указанный угол, смахнула там паутину и отыскала пыльную, древнюю на вид пару сапог, достаточно целых, чтобы в них было лучше, чем босиком. Быстро натянула их и зашнуровала, довольная тем, что хоть немного укрылась от холода, пусть и благодаря чему-то вековой давности.

Позади нее молча стояли Солмир и Швея. Но молчание казалось тяжеловесным, так что Нив размышляла, не ведут ли они сейчас собственную мысленную беседу, из которой ее исключили.

– Благодарю, – вновь пересекая небольшую комнатку, сказала она, отчасти из неподдельной признательности, отчасти – чтобы объявить о своем возвращении на случай, если они были слишком глубоко погружены в сознания друг друга.

Швея не посмотрела на нее, но едва заметно грустно улыбнулась Солмиру.

– Услуга за услугу.

Она раскрыла сложенные лапы и предъявила то, что извлекла из шкафа.

Кость.

На первый взгляд похожую на бедренную кость человека. Но неправильную – слишком короткую и со слишком маленьким округлым краем. Второй край был остро заточен, так, что размером и формой напоминал кинжал.

– Ткач дал мне это, – проговорила Швея, глядя на костяной клинок так, словно видела в нем будущее. Может, действительно видела. – Много вечностей назад, когда я была лишь человеческой женщиной, не знавшей, что меня ждет. Это кость одной из ног моего Ткача, знак нашей преданности друг другу. – Она обратила глаза к Солмиру. – Ты был хорошим другом, некогда-Король. Насколько возможна дружба в этом месте. И ты хранишь магию Королевы Теней. – Швея вложила кость в руку Солмиру и медленно склонилась перед ним. – Но тебе нужно будет больше. А я так устала.

Понимание скользнуло в сознание Нив, будто рука в шелковую перчатку; она вспомнила смерть того чудовища-червя, вспомнила, как оно распалось на тени – и тени эти были магией, отвязанной от Тенеземья, доступной всякому.

Вот что предлагала Швея. Больше магии – после ее смерти.

– Я измождена, Солмир. Этот мир гибнет вокруг нас. – Она подняла спокойные многогранные глаза. – Сила моя невелика. Но тебе понадобится каждый клочок, который удастся заполучить, чтобы сделать то, что ты должен.

Глаза Короля вспыхнули синим огнем, выдавая борьбу, оттенков которой Нив не могла осознать. Потом он кивнул, коротко дернув подбородком.

– Пусть следующий мир будет добрее, Возлюбленная, – тихо произнес он.

Швея закрыла глаза, улыбнулась:

– Должен быть.

И Солмир вогнал заостренную кость ей в шею.

Крови не было. Вместо нее из раны хлынули дымные струйки теней. Обрывки магии, покидающие мертвый сосуд.

Солмир поднял руку. Тени стали стекаться к нему, заливать чернотой его ладонь и предплечье, устремились к сердцу. Он стиснул зубы, но не проронил ни звука.

Нив не знала, больно ли ему.

Спасибо.

Едва слышный выдох разнесся в ее голове, и она как-то поняла, что Солмир тоже его услышал; странная, искаженная близость.

Швеи больше не было, в хижине стояли только Нив и Король. От хозяйки не осталось даже пятна на полу, не осталось ни следа ее жизни, кроме пульсирующих теней, струящихся по венам Солмира. Вскоре и они побледнели, улеглись и исчезли.

Солмир продолжал смотреть на то место на полу, где было тело Швей. Потом отвернулся и быстро вышел за дверь.

Тяжело сглотнув, Нив последовала за ним.

Стылый воздух Тенеземья казался почти свежим после тесноты хижины. Трехглазая коза во дворе заблеяла, на этот раз звуком бьющегося стекла.

Солмир не смотрел на Нив, но, когда она приблизилась, протянул ей кость.

– Возьми, – голос у него был глухим и невыразительным. – Только костью бога можно убить другого, и боги эти должны быть созданы схожим образом.

Кинжал оказался гладким и тяжелым, но все же легче, чем ожидала Нив.

– То есть им можно убить тебя?

– Рано радуешься. – Солмир зашагал прочь. – Я больше не божество.

Коза снова заблеяла, издав звон столкнувшихся клинков, и Нив обернулась к ней, взвешивая кость на ладони.

Подумала о силе, о потребности в ней.

Солмир перевел взгляд с нее на козу, потом на зажатый в руке Нив кинжал.

– Немного в ней магии, – тихо ответил он на вопрос, который она не решалась задать. – Но есть.

– Швея сказала, что нам понадобится вся, – прошептала Нив.

Он кивнул.

– Ее можно этим убить?

– Малые чудища – не божества; их можно уничтожить и костью любого схожего создания, и костью бога, – сказал Солмир. – Только самим богам нужны особые условия.

Она кивнула, бездумно поглаживая подушечкой пальца полированную рукоять.

– Ты сможешь вобрать больше?

Солмир растянул губы в ухмылке, показывая зубы.

– Я всегда могу вобрать больше.

Нив осторожно сделала шаг к малому чудищу в форме козы. Когда костяной кинжал вонзился ему в горло, оно испустило блеющий женский крик.

Глава шестая

Нив

Они оба молчали, снова продираясь через перевернутые деревья, которые росли так близко друг к другу, что Нив использовала их вместо поручней, преодолевая неровности почвы. В сапогах шагалось намного легче.

Солмир же впереди нее больше не двигался с той хищной грацией, которую она уже привыкла видеть. Теперь его почти трясло, словно он боролся с первыми волнами лихорадки. В венах у него всполохами проступала чернота, пальцы сгибались и разгибались, словно что-то пыталось вырваться из них вон.

Нив осторожно поглядывала на него. Солмир сказал, что всегда может вобрать больше магии, но было похоже, что все не так просто, как он говорил.

У нее в груди росло нечто напоминающее беспокойство. Нив ненавидела это чувство. Солмир не заслуживал того, чтобы она о нем беспокоилась.

И все-таки он был, судя по всему, единственным хотя бы относительно безопасным существом на все Тенеземье. И единственным вместилищем ее магии, коль скоро она не желала превращаться во что-то чудовищное.

По земле в очередной раз прокатилась дрожь, вынуждая Нив вцепиться в ствол перевернутого дерева, чтобы удержаться на ногах. Солмир впереди проделал то же самое, оперся подернутой тенями рукой о белую кору. Когда землетрясение миновало, он бросил на Нив короткий взгляд, убеждаясь, что та еще цела, и продолжил путь.

Но тут же споткнулся, едва заметно сбившись с привычной скорости. Потом остановился и обернулся к Нив, стиснув челюсти и прижимая ладонь к груди. Он смотрел себе под ноги, но, когда Нив сделала шаг, вскинул взгляд на нее. Она застыла.

Белки глаз Солмира стали полностью черными.

Нив захотелось попятиться и вытянуть руки перед собой в жалкой попытке защититься. Вместо этого она нахмурилась, надеясь спрятать страх. Бросила:

– Ты намерен падать в обморок?

Резко и строго; держа тревогу за зубами. Хотя тревожиться было, в общем-то, разумно. Последнее, что Нив сейчас нужно, – оказаться в Тенеземье одной.

– Нет, Нивири, я не упаду в обморок. – Чернота у него в венах немного успокоилась, но в глазах по-прежнему затмевала все, кроме полыхающих океанов синих радужек. Он повернулся на пятке и прислонился спиной к стволу дерева, потирая шрамы на лбу. От этого движения снова на миг стала видна сквозь рубашку та странная татуировка. – Магия – скользкая штука, ее трудно удерживать. Особенно если не давать ей поглощать душу.

Нив подняла бровь.

– То есть ты борешься за свою душу, пока мы разговариваем? Довольно драматично.

– Воистину. – Он оттолкнулся от дерева, слегка скривившись, и откинул назад пряди волос, блеснув серебром колец. Тьма еще трепетала у него под кожей рук, но быстро таяла, пряталась куда-то туда, где Солмир ее хранил. – Я уже почти в норме. Не трать на меня свое беспокойство. Я знаю, что у тебя крайне ограниченны запасы этого чувства для всех, кроме Рэдарис.

Нив резко свела брови, но промолчала.

Солмир вновь двинулся между деревьями, дымно-серые волосы закачались в такт шагам, все более уверенным. Нив постояла, прикусив губу, и пошла следом.

– Куда мы идем?

– Туда, где сможем отдохнуть.

– Я бы предпочла, чтобы на мои вопросы отвечали конкретнее. – Четкий выговор, сдержанный тон. Тени ее раздери, если она не сможет держать себя по-королевски, пусть и в древних сапогах, перепачканной сорочке и поношенном, слишком большом для нее плаще Солмира. – Это меньше, что ты можешь сделать.

Какое-то время Нив думала, что он не ответит. Походка Солмира снова стала расслабленной, вся поглощенная шипастая магия улеглась где-то внутри его с тем, чтобы поджидать нужного момента, и наконец он повернулся к Нив лицом. Она уже заметила, что Король не любил говорить вполборота, когда мог позволить себе иное; не желал игривых взоров через плечо. Солмир предпочитал общаться, глядя ей прямо в глаза.

Он склонил голову.

– Да, Ваше Величество.

Нив стиснула кулаки.

Уголки губ у него поползли вверх, насмешливо и зло.

– Ткач был не единственным Древним, чей приверженец спустился за ним в Тенеземье, хотя только Швея жива до сих пор. – Он умолк лишь на секунду, но взгляд у него потускнел. – Ну. Была.

Это прозвучало не то чтобы скорбно. Но в его словах сквозило окончательное принятие и осознание пустоты. Одно дело – понимать, что кто-то ушел, и совершенно другое – прочувствовать это, обратившись к нему мыслями.

Солмир едва заметно тряхнул головой, выдавая движение только колыхнувшимися волосами.

– У Дракона кто-то был, очень давно. И у Крысы тоже – каждому свое, когда дело доходит до того, с кем делить постель, но *это* у меня с трудом укладывалось в голове. И у Левиафана. – Губы у него неприязненно дрогнули. – Он до сих пор хранит тело, судя по всему. Как знак их единения. Любовь очень быстро превращается в кошмар, когда замешаны божества.

– Любовь может быстро превратиться в кошмар с кем угодно, – тихо отозвалась Нив.

– Мне ли не знать, – пробормотал Солмир, резко отвернувшись от нее, и снова двинулся вперед.

Перевернутый лес был все тот же, ничего не менялось и не выдавало хода времени и пройденного пути, но Нив показалось, что они прошагали еще с миллю прежде, чем пришли к новой хижине.

Эта выглядела намного более жутко, чем жилище Швеи. Она была поднята на шестах, настолько длинных, что ее крыша тонула в нижних слоях вечного тумана, заменявшего этому миру облака. С помоста, на котором стояла хижина, тянулась к земле веревочная лестница, плавно качавшаяся из стороны в сторону. Крыша давно прохудилась, и прямо в стене, обращенной к ним, Нив тоже увидела пролом – но шесты выглядели крепкими.

И все же, едва Солмир ступил на лестницу, Нив замотала головой:

– Ни за что. С чего нам...

– Ты не устала, Нивира?

Вопрос застал ее врасплох, но веки у нее действительно налились тяжестью, а руками и ногами шевелить было тем сложнее, чем дольше они тут медлили, словно, остановившись, она позволила изнеможению себя настичь.

– Это имеет значение?

Солмир напряг руки, заставляя лестницу качнуться сильнее. Волосы у него тоже качнулись волной в сером воздухе. Нив понадеялась, что веревки лопнут.

– Ты бодрствуешь намного дольше, чем привыкло твое тело. Нам обоим нужно поспать. – Он сверкнул зубами. – Похоже, впереди нас ждет долгое путешествие, и лично я хотел бы отправиться в него, как следует отдохнув.

Он полез наверх, подтягиваясь на руках, так что мышцы на спине заходили, а татуировка на плече снова проступила сквозь полотно рубашки.

Нив сердито смотрела на него.

– И мы оба должны спать в одной ветхой хижине?

– Ты вольна остаться внизу и спать на земле, если пожелаешь.

– Короли на сраных лошадях, – пробубнила Нив.

Сверху сдавленно фыркнули.

Карабкаться по веревкам в сапогах с чужой ноги и в сорочке оказалось непросто, так что Нив едва дышала, добравшись до помоста. Он тоже казался крепко сколоченным, хотя между некоторыми досками зияли прорехи шириной с подошву.

Дверь на сломанных петлях поддалась с трудом. Нив осторожно шагнула за порог; всепроникающий холод Тенеземья здесь, наверху, был еще заметнее, и она неосознанно закуталась в плащ Солмира плотнее.

Внутри хижины все было таким же изношенным, как и снаружи. Зияющая дыра справа от двери занимала почти всю стену – Солмир как раз толкал туда старый платяной шкаф для защиты комнаты от ветра, двигая плечами так, что Нив обозлилась на себя за внимание к этому.

Когда шкаф встал на нужное место, Солмир выпрямился и отряхнул руки от пыли. Заметив прищуренный взгляд Нив, пожал плечами.

– Не особо поможет от холода, но лучше, чем ничего.

Кроме шкафа в хижине был только сломанный стол, задвинутый к дальней стене, и растрепанный ковер в середине комнаты. В плетении нитей запутались какие-то шипастые клочки, утыканные странным ворсом.

Нив наклонилась и аккуратно тронула один. Перья.

– Этот дом принадлежал любовнику Сокола. Он умер очень давно, немногим позже самого бога. – Солмир опустил на пол возле стены и стал расшнуровывать сапоги. – Любовники Древних, похоже, не способны пережить их надолго.

– В этом вся беда с религией, – отозвалась Нив. – Привязывая смысл своего бытия к божеству, естественным образом приходишь к тому, что твоя собственная жизнь почти ничего не значит.

Солмир вскинул бровь, продолжая возиться с обувью.

– Ты что-то слишком презираешь религию для человека, который узаконил новый священный орден.

– Ты и раньше это знал. – Нив не стала следовать его примеру и пытаться устроиться поудобнее, а неловко застыла рядом с ковром. По-прежнему плотно закутанная в плащ Солмира. – Может, я и старалась изображать благочестие в своем мире, но едва ли обманула тебя.

Его руки замерли; Солмир вскинул на нее взгляд, прищурив синие, сияющие в однотонных сумерках глаза. Нив немедленно захотелось забрать свои слова обратно и запереть их у себя в глотке.

Они помолчали; потом Солмир вернулся к сапогам.

– Остальных ты обманула довольно ловко, если тебя это утешит, – фыркнул он. – Кроме Кири, может быть.

Это было прямо противоположно утешению, но Нив не стала ничего отвечать. Не стала говорить ему, что у нее сводит кишки и ноет в груди от понимания того, что два злодея в ее истории оказались способны прочитать ее лучше всех остальных.

– Раффи мне тоже не верил, – тихо сказала она. Почти защищаясь. Доказывая, что еще кто-то мог смотреть на нее и видеть правду.

Отчасти.

При звуках этого имени Солмир скривил губы, прислонившись затылком к стене.

– Раффи поверил бы всему, что бы ты ему ни сказала. – Он снова фыркнул. – Так ведь работает *истинная любовь*, да? Мне такое неизвестно.

Пальцы Нив сжались в кулаки внутри слишком длинных рукавов его плаща. Истинная любовь. Верно.

Она встряхнула головой, прогоняя мысли о Раффи, о том, что возникло между ними, и обо всех непоправимых поступках, которыми она это разрушила. Нив вздохнула, опустилась на ковер и откинулась на спину, устроив голову прямо на расползающейся ткани и изломанных перьях.

– Удобно? – спросил Солмир.

– Лучше, чем в стеклянном гробу.

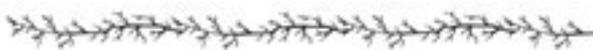
Молчание. Она слышала, как Солмир тихо шевельнулся у стены.

– Я бы сказал, что приношу извинения, – произнес он таким же резким голосом, каким говорила она, – но вообще-то это было для того, чтобы уберечь тебя. Я понимаю, что тебе нелегко поверить, будто я могу беспокоиться о твоей безопасности, однако это правда. – Снова повисло молчание, густое в стылом воздухе. – Ты нужна мне, Нивира. К несчастью для нас обоих.

– Не стоило оно того, – ответила Нив, сворачиваясь на боку. Подсунула руки под голову, опустив щеку на грубую ткань плаща, пахнущую хвоей и снегом.

– Что не стоило?

– Беречь меня, – откликнулась она.



Туман. Не только вокруг: ей казалось, будто туман проник *внутри* ее, будто она испарилась и сама обернулась дымкой. Ей стало почти спокойно.

Это сон. Похоже, она просто спит.

Нив была не из тех, к кому часто приходили сновидения, и не из тех, кто любил приписывать глубокий смысл чему-либо, порожденному спящим сознанием. Но сейчас она ощущала... нечто иное. Тяжелое. И *осознанное*.

Она не чувствовала пола под собой, но понимала, что лежит на нем; не чувствовала ткани плаща, прижатой к лицу, но знала, что она есть. Стержни старых перьев кололись сквозь сорочку, а ей казалось, будто они касаются ее через какую-то толстую ткань, ощутимые, но далекие.

И еще она чувствовала магию.

Слабую, совсем не похожую на ту, что она носила в себе прежде, чем Солмир забрал ее своим болезненным, страшным поцелуем; не похожую даже на тот привычный, скользкий и холодный отголосок силы, который она урвала еще на поверхности, ежедневно проливая кровь на страж-древа. И все же она чувствовала дыхание магии где-то под ребрами, глубоко в груди покалывали шипы; словно что-то в ней изменилось навсегда и так, что не могли исправить никакие поцелуи.

Возможно, это была душа.

Туман вокруг медленно рассеивался. И так же медленно таяло ощущение бесплотности, сознание возвращалось к Нив, наливая ее тело тяжестью.

Плывущий туман открыл взгляду огромное дерево.

Вернее, только часть его, нижнюю половину. Нагромождение сплетенных друг с другом корней высотой в три ее роста. Запрокинув голову, Нив почти смогла разглядеть сквозь туман место, где начинался ствол, и ей показалось, что до места этого – многие мили. Посмотрев вниз,

она поняла, что и стоит тоже на корнях. Кроме дерева, вокруг ничего не виднелось, остальной мир утонул в тумане.

Корни были белыми, как ветки в Святилище и деревья в перевернутом лесу. Внутри их струилась темнота, потоки теней, каким-то немислимым образом светившиеся. А далеко в вышине, там, где кончались корни и начинался ствол, чуть заметно мерцало золото.

Нивира Валедрен.

Голос раскатился вокруг нее, зазвучал со всех сторон и ниоткуда одновременно. Рассеянный звук не давал разобрать оттенков, но тон показался ей как будто бы мужским, уверенным. И смутно знакомым.

Нив пошла вперед, к нагромождению корней. Приблизиться к дереву не получалось, но с каждым шагом она все лучше чувствовала свое тело. Ночная сорочка пропала, как и плащ Солмира, и сапоги Швей – на Нив оказалась лишь тончайшая белая накидка, неприятно напоминавшая саван.

Следуя какому-то потаенному чутью спящего человека, Нив полезла по корням к стволу.

Среди сплетений белой коры что-то блеснуло. Подобравшись ближе, Нив поняла, что это зеркало; зеркало в золотой оправе, казавшейся тусклой и потертой рядом с мерцающим сиянием дерева. Раму покрывали пятна ржавчины какого-то невыносимого бурого цвета, а в золотые завитки были вплетены светлые волосы, струившиеся всюду, как лучи закатного солнца.

Однако намного хуже самого зеркала оказалось то, что она увидела в отражении.

Вены под бледной кожей Нив были черными, все до единой, они оплетали ее тело кружевом тьмы. Запястья у нее поросли крошечными шипами, чуть удлинявшимися ближе к кистям и почти исчезающими у локтей. Из костяшек пальцев тоже торчали шипы, как на латных перчатках. А ее глаза были полностью черными.

Точно как у Солмира, когда он вобрал все силы Швей и заколотого малого чудища. Только в ее глазах не осталось ни проблеска цвета, говорившего о наличии души.

Так вот какова та чудовищность, от которой он пытается ее уберечь.

Нив осторожно подняла усеянную шипами руку и тронула серебристую поверхность зеркала пальцами, серыми на фоне золота и ржавчины.

В зеркале что-то изменилось. Ее отражение на миг исказилось, изможденные черты налились и обрели цвет. Золотистые волосы, горящие карие глаза, лицо с пухлыми губами и более округлыми щеками.

Рэд.

Мелькнула и исчезла. Нив вцепилась в зеркало скрюченными пальцами, стиснула его в шипастых руках, словно могла раздавить стекло.

– Рэд! Ты меня слышишь? Вернись!

Но ее отражение уже стало прежним, и то лишь на мгновение. Потом зеркало перестало показывать Нив, за мутной гладью остались только плотные сплетенья корней, подернутые тьмой.

Нив наотмашь ударила ладонью по стеклу.

– Рэд!

Никого.

Она рухнула на колени и зажала глаза руками, не обращая внимания на проросшие из них острые браслеты.

Ты уже близко.

Снова тот голос, что обратился к ней по имени, густой, мягкий и почему-то знакомый, словно по далеким детским воспоминаниям, которых она не могла осознать. В нем слышалась печаль, такая глубокая, что сердце Нив отозвалось ноющей болью. Она отняла руки от глаз – никакой крови, будто шипы неспособны были причинить вред хозяину – и уставилась в туман.

– Что?

Ты еще не готова стать отражением. Сперва тебе нужно найти Древо, найти ключ.

Нив качнула головой. Непонятные слова в непонятном месте, но голос упомянул Древо, и потому она решила, что к нему стоит прислушаться.

– Кто ты? Кто-то из Древних? Или их приверженцев?

Молчание. Позади зеркала, в прорехах между корнями, как будто мелькнула фигура. Исчезла так быстро, что Нив не успела ничего разобрать.

Я не знаю, что я такое. Не до конца. Тихо, с нотками тоски и жажды. *Полагаю, что так было всегда.*

К досаде в голосе примешивалось что-то еще. Нив сглотнула и закусилла нижнюю губу.

– И почему тогда я должна тебе верить?

Может, и не должна. Почти шутливо. *Но ты ведь приняла уже немало спорных решений касаясь того, кому верить.*

Тени ее раздери, если она станет выслушивать поучения от бестелесного голоса в мутном не-совсем-сновидении – лучше сразу переходить к делу.

– Ты что-нибудь знаешь о Древе?

Думаю, да. Возможно. Но воспоминания... они как туман. Дымка волной прокатилась по ногам Нив. *Когда я вижу тебя, вспоминать проще. Но я всегда где-то между.*

– Между чем?

Между мирами. И вами двумя. И жизнью и смертью тоже, я полагаю.

Нив обхватила себя руками, холод уже забрался под тонкое полотно сшившегося ей наряда.

– Скажи мне, что ты знаешь.

Древо ждет тебя, там же, где оно было всегда. Но лишь добраться до него недостаточно – твой путь должен быть отзеркален, а любовь разделена. И нужен ключ, если ты хочешь вернуться.

– И где мне взять ключ? – Ей показалось, что проще всего начать с этого. Зеркальные пути, разделенная любовь... с этим можно разобраться позже.

Когда станет нужно, он появится.

Нив хмуро глянула в туман.

– Ты точно не можешь сказать мне, кто ты?

Короткое молчание. *Когда я вспомню, я тебе скажу.*

Туман скользнул по коже Нив. Она вздрогнула – дымка казалась почти живой и словно исследовала ее.

Голос зазвучал строго. *Ты – пустой сосуд.*

Она переступила с ноги на ногу.

– Солмир хранит магию. Чтобы я не... – она сбилась и опустила взгляд на усеянные шипами руки. – Чтобы я не закончила вот так.

Голос промолчал. Нив окатило новой волной изучающего ее тумана.

Все поменяется, наконец прозвучал ответ. Прошлое, настоящее и будущее здесь сливаются воедино, и все возможные исходы кажутся воплощенными, хотя будет воплощен только один. Но в конце концов он поступит правильно. Это известно точно и безусловно.

Он. Солмир? Нив не стала переспрашивать, но рот у нее чуть не открылся от удивления. То, что Солмир способен сделать нечто правильное – что это *точно и безусловно* случится – казалось почти таким же абсурдным, каким было бы внезапное стремление Нив поцеловать его ради чего-то кроме магии.

В корнях позади зеркала снова мелькнула темная фигура, на этот раз достаточно отчетливо, чтобы Нив успела заметить широкие плечи и стройную талию прежде, чем все снова исчезло. *Подними глаза.*

Она послушалась. Сверху, проступая сквозь туман, медленно опускалась ветвь. Лишенная листьев и, помимо темных полос, расчерченная прожилками золота. Двойственность, заключенная под белой корой. Ветвь замерла прямо у нее над головой, так близко, что Нив могла дотянуться рукой до того, что на ней росло.

Яблоки. Одно черное, одно золотое и одно алое.

Ее пальцы почти сами собой потянулись сквозь туман, стремясь коснуться черного плода. Яблоко оказалось теплым. И почему-то пахло медью. Крошечные колючки усеивали его целиком, будто проросли наружу из самой его сердцевины.

Не срывай.

Голос звучал настойчиво. Нив уронила руку.

– Что это? – выдохнула она. – Это ведь не просто сон?

Здесь все не так просто, как выглядит. Яблоки мягко покачивались у нее над головой. Когда существует два мира, должно быть и нечто между ними. Ты не принадлежишь ни одному из них. И все здесь предстает перед тобой в таком виде, какой ты способна понять. Голос окрасили веселые нотки. Это не в большей степени яблоко, чем ты сама, но твоим глазам нужно что-нибудь видеть.

– Значит, это место между мирами?

В некотором роде. Место между жизнью и смертью. Место, способное удерживать в себе. Секунда тишины. Мы слишком хороши в создании тюрем.

Так много слов и так мало ответов. Нив нахмурилась, беспокойно скребя ногтями по ладоням.

– Мне сказать ему? – тихо спросила она. – Обо всем, что я услышала от тебя.

Поступай как пожелаешь, отозвался голос. Каждый сам решает, как слагать историю о своем злодее.

Она глубже впилась ногтями в кожу.

Мне больше нечего тебе сообщить. Нив не представляла, как бестелесный голос может казаться таким утомленным. И снова ее укололо смутным воспоминанием, так, что она скривила губы, пытаясь понять, откуда именно ей знаком этот оттенок усталости, изможденности и тоски. *Возвращайся к нему.*

И сразу после этих слов она распахнула глаза.

Нив еще немного полежала, свернувшись на бок и постепенно приходя – почти падая – в себя. Она как будто возвращалась в тело по частям – в ноги, потом в руки, и наконец в сердце. Она даже не перевернулась во сне, но чувствовала себя так, словно прошла много миль.

Место между мирами. Между жизнью и смертью. Открытие слишком огромное и тяжелое, чтобы его осознать, чтобы как-то охватить его разумом.

Впрочем, она не успела даже попытаться – нечто иное резко привлекло ее внимание. Здесь, в разрушенной хижине в Тенеземье, кто-то пел.

Язык был незнакомым, тихая размеренная мелодия плавно переливалась вверх и вниз, будто колыбельная. Одновременно слышался скрип металла по дереву; потом песню оборвало проклятье.

Солмир сидел спиной к стене хижины, согнув одну ногу и вытянув другую. Большой палец он засунул в рот, во второй руке у него был зажат кинжал, а на полу рядом лежал небольшой обструганный кусок дерева, уже начавший принимать некую задуманную форму.

Нив шевельнулась, и Солмир быстро поднял глаза на нее.

– Доброе утро, спящая красавица, – пробубнил он, не вынимая палец изо рта.

– Только вот *утра* здесь никакого нет. – Нив медленно села, хотя мышцы негодующе ныли. – Что ты пел?

Солмир резко отнял от губ палец. На нем сразу проступило серое пятнышко обесцвеченной крови.

– Я что-то пел?

Он казался настолько иным в этот краткий миг. Расслабленным, уязвимым, человеческим. Кем-то, вероятно способным поступить правильно, что бы это ни значило.

– Да, – ядовито ответила Нив. – Громко.

Резкость ее тона от Солмира не ускользнула. Он выпрямился, вытер палец о рубашку, поднял кусочек дерева и затолкал в карман.

– Прошу прощения, Ваше Величество. Каждый коротает время как может.

– Песнями и... резьбой по дереву?

– Я бы *мог* пьянствовать и предаваться плотским утехам, но в Тенеземье удручающе плохо с вином, а касаясь второго я подожду, пока ты сама не попросишь.

Все лицо и даже шея и грудь Нив загорелись от злости.

– Я скорее попрошу швырнуть меня в пасть следующего малого чудища, на которое мы наткнемся.

– Не надейся запугать меня таким заманчивым предложением. – Солмир встал и махнул рукой в сторону болтающейся двери. – А теперь, раз мы оба хорошо отдохнули, идем уничтожать богов.

Глава седьмая

Рэд

– Оно *изменилось*, Эммон. Я показала тебе вчера, ты попросил подождать и посмотреть, останется ли так же. – Рэд взмахнула рукой. – И оно *осталось*. Это должно что-то значить.

Она стояла возле зеркала, по-прежнему увитого прядями ее секущихся волос и заляпанного кровью, все с той же жуткой горкой обрезков ногтей прямо перед ним. Вид всех ее жертвоприношений беспокоил Эммона, это было заметно, но он молчал. Стоял рядом с ней, скрестив руки на груди и вглядываясь в отражение спутанных корней в зеркале. Его густые брови были нахмурены, а губы плотно сжаты.

Призрак ссоры, преследовавший их все эти дни, снова повис в воздухе. Вчера Рэд постаралась быть разумной, согласилась повременить и проверить, прав ли Волк, считая изменения в зеркале простой случайностью. Сегодня же она была готова действовать. Готова делать что-нибудь. Что угодно.

– Может, и значит, – уклончиво и неохотно сказал Эммон. – А может, зеркало просто больше не работает. Теперь, когда Диколесье – это мы, магия изменилась. Узы, что вынуждали зеркало показывать Первых Дочерей, могли тоже поменяться пока неизвестным нам образом.

– Да, я знаю, спасибо. Но твоя мать создала его, чтобы увидеть сестру. В *этом* его смысл, и именно это я и пытаюсь сделать. – Рука Рэд резко взлетела к зеркалу. – Если оно работало прежде, то почему не должно сейчас, когда Диколесье сильнее, чем во все прошедшие века?

– Потому что прежде Нив не была в Тенеземье.

– Но если оно должно помогать мне ее видеть...

– Рэд, Тенеземье *искажено*. – Последнее слово он почти прорычал. – Это перевернутый мир, наполненный ужасными чудовищами и еще более ужасными богами. Даже знай мы, как открыть его теперь, когда Диколесье изменило форму – нельзя просто взять и отправиться в такое место, последствия могут быть страшными. Оно полно мрака, оно уродливо, и оно уродует тех, кто в него попал.

Тех, кто в него попал. Как Нив.

Эммон продолжал стоять, сложив руки на широкой груди, закатанные рукава приоткрывали дорожки давно заживших шрамов и браслеты из коры, вросшие в его запястья.

– Может быть, это знак, – сказал он наконец. – А может, и нет. Я просто не хочу, чтобы оно дало тебе ложные надежды, Рэд. Я не хочу... – он запнулся и потер глаза пальцами.

Тишина вокруг них уплотнилась, став почти удушливой. Они избегали этого разговора так долго, и все же он их настиг.

Рэд сглотнула.

– Чего ты не хочешь, Эммон?

Он наконец отнял руку от лица и обратился к ней глаза с обведенными зеленью радужками.

– Я не хочу, чтобы ты навредила себе, пытаюсь спасти ее, – произнес он негромко, четко выговаривая каждое слово.

– Но именно это она сделала ради меня.

– А ты ее просила?

– Сейчас все иначе. Меня не нужно было спасать. А мы *знаем*, что Нив – нужно.

Эммон ничего не ответил. Лицо его оставалось непроницаемым.

Рэд казалось, что вместо губ у нее тиски, так крепко она сжимала челюсть; все ее тело словно превратилось в лук с натянутой тетивой.

– Ты считаешь, что нам ее не вернуть.

– Я такого не говорил.

– А говорить и не нужно.

– Я считаю, что шансы вернуть ее довольно велики. – Каждый оттенок его голоса был Рэд известен; она знала, когда Эммон лгал, когда был искренен и когда пытался оставаться на грани между тем и другим. Сейчас он сказал правду, но сам едва в нее верил. – Однако это непросто, Рэд. Она оказалась в тюрьме, которая создавалась так, чтобы из нее было не вырваться. Недостаточно одних лишь *догадок* и зеркала, чтобы вытащить ее оттуда, мы должны точно знать, что именно делать, прежде чем приступить.

От злости вены у Рэд полыхнули зеленым.

– То есть ты хочешь еще почитать, – прошипела она, – пока моя сестра заперта там с монастрами? С Королями? Я видела, что творится внизу, Эммон, и я ее там не оставлю.

– Разумеется, мы ее не оставим. Но необходимо время, чтобы...

– У нее *нет времени!*

Рэд не собиралась так кричать; слова прозвучали сипло и похоже на всхлип. Эммон потянулся к ней, инстинктивно стремясь утешить, но она попятилась. Он уронил руки.

Рэд вскинула ладонь, пронизанную зелеными венами и чуть тронутую корой у запястья.

– У нас есть все время мира. – Теперь она шептала. – Но у Нив его нет. Нив – все еще человек.

Эммон словно застыл, в глазах у него было ничего не прочесть.

– Ты сожалеешь о том, что перестала быть человеком, Рэдарис?

Порой он по-прежнему называл ее полным именем – в постели, или шутки ради. Но сейчас Эммон произнес его церемонно. Как чужой.

У Рэд что-то оборвалось в животе.

– Конечно нет, – выдохнула она, но заставить себя протянуть руку и коснуться его не смогла. – Ты это знаешь.

Эммон не ответил, продолжая сверлить ее пронзительным взором янтарно-зеленых глаз.

Наконец он вздохнул и повернулся к лестнице.

– Я буду в библиотеке. Приходи, когда сможешь.

Его сапоги застучали по ступенькам, где-то внизу скрипнула распахнутая дверь.

Рэд отошла от зеркала к одному из увитых плющом окон и посмотрела, как Эммон шагает через двор Крепости. Какой-то частью души ей захотелось окликнуть его, заставить вернуться, позволить ему взять ее прямо на полу башни и не отпускать до тех пор, пока их ссора не забудется.

Но она не стала.

Вместо этого она подумала обо всех деревьях внутри себя, о скрытом у нее под кожей Диколесье. И о страж-древах, которые они с Эммоном вобрали. О страж-древах, чья гибель от гнили открывала врата в Тенеземье.

Эммон хотел подождать. Хотел отыскать способ помочь Нив, совершенно ничем не рискуя. Рэд знала, что это невозможно. Она понимала его страх – мысль о том, что она может потерять Волка, скручивала ей колючими узлами все нутро – но у Эммона не было ни брата, ни сестры. Не было близнеца. Он не в силах был понять Рэд и саму природу ее боли.

Рэд больше не могла допускать, чтобы Нив оставалась внизу. Она не могла ждать, пока Эммон придумает свой воображаемый идеальный план, исключаяющий риски.

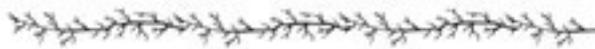
И не могла позволить ему помешать ей испробовать нечто, способное сработать.

В голове у нее разнесся шорох, словно ветер всколыхнул деревья. Предупреждение? Благословение? Ей было наплевать. План у нее вышел слабенький и едва продуманный, но больше Рэд было не за что уцепиться, и отчаяние залатало в нем все бреши.

Внизу, во дворе, Эммон замер у входа в Крепость. Обернулся, подняв к Рэд глаза, затененные полуденным солнцем. И исчез в дверях.

Если она ему скажет, он попытается ей помешать – может быть, даже запрет ее в проклятой библиотеке. Если она собирается действовать, делать это надо сейчас, и в одиночку.

Как только дверь Крепости затворилась за Эммоном, Рэд направилась к ступеням.



Ничто в Диколесье больше не грозило ей опасностью, но, едва Рэд ступила за ворота, сердце ее все равно подскочило к горлу. Она тихо прикрыла за собой створки, хотя услышать ее никто не мог. Эммон уже наверняка уткнулся носом в книгу, отчасти чтобы позабыть об их ссоре, отчасти в поисках подсказок, а Файф и Лира еще не вернулись после встречи с Раффи и ночевки в столице.

И все же, шагая меж стволов, к деревьям Рэд приглядывалась опасливо. Старые привычки изживались нелегко.

Быстро идти с прижатым к груди зеркалом было трудно. Рэд немного отстранила его от себя и хмуро взгляделась в отражение. Все так же заполненное этой странной слоистой тьмой корней, которые удавалось рассмотреть, только прищурившись.

Корни наверняка значили, что ей нужно было страж-дерево. Нужно было достать одно из себя и создать врата, чтобы вытащить Нив. Что еще они могли значить?

В голове у нее снова раздался шорох, золотой нитью пробежал вдоль ее мыслей, звеня, словно отпущенная струна арфы. Диколесье сообщало ей *что-то*, но она не понимала, что именно.

Рэд вообще мало понимала свое новое бытие. Внешность обычной женщины – почти – и внутренний лес. Она помнила, как раньше представляла Эммона весами, качающимися из стороны в сторону, от костей к корням, едва держащими равновесие. Став Диколесьем, они вдвоем словно сковали эти весы, остановили ровно посередине.

Что же случится, если сейчас она качнет их снова? Если она выпустит то, что скрыто внутри, обратно *наружу*?

Рэд встряхнула головой, прогоняя сомнения, пытавшиеся скопиться у нее в сознании и вынудить ее мысли сбиться с пути. Все ради Нив. Ее сестра приняла бы любые последствия.

Это меньше, чем Рэд может ей отплатить.

Она не знала, куда именно идет. Ноги сами принесли ее к той поляне, где она подарила покой костям остальных Вторых Дочерей – где когда-то, казалось, вечность назад она нашла Эммона, наполовину слившегося с лесом, – и теперь Рэд ощущала, что это правильно. Рыжие и золотые листья ковром устлали землю, над ними висел густой аромат корицы. На краю поляны больше не было страж-древ, и все равно место казалось более священным, чем любое другое.

Особенно одно конкретное место. Там не осталось ни следа страж-дерева со шрамом на коре – того, на котором проступили слова, закрепившие долг Вторых Дочерей; слова, что Тирнан Нирейя Андралин, старшая сестра Гайи, потом вырезала из ствола и принесла в Валлейду, – но что-то внутри Рэд узнало тот клочок земли, где оно росло. Она носила в себе карту Диколесья, и эта точка на ней была помечена.

Немного поразмыслив, Рэд положила зеркало именно там, стеклом кверху. Золото обвинивших раму прядей ее волос почти слилось с опавшей листвой. Рэд опустила на колени и вытянула из-за пояса короткий кинжал.

Может, это и глупость. Может, это ничего не даст – ни одна из прежних жертв зеркалу не сработала. А может, именно это наконец спасет Нив, именно здесь, на поляне, где Рэд однажды спасла Эммона, где магия и кровь были так тесно сплетены.

Одно Рэд знала точно: больше нельзя оставлять Нив во мраке. Нельзя оставлять ее с чудовищами.

Нив сделала бы то же самое для нее.

Диколесье внутри Рэд затихло. Пропали все шорохи, и в ее мыслях, и под кожей – обычно бег крови в ее жилах рождал ветерок, круживший листья, а биение ее сердца заставляло качаться ветки. Теперь же лес, вросший в ее кости, умолк и смотрел, как она поступит дальше. Как она снова качнет чашу весов.

Рэд глубоко вдохнула. Нерешительно задержала кинжал над ладонью; золотая нить Диколесья в ее сознании все так же оцепенело молчала.

Рэд уронила клинок. Кровь всегда оставалась полумерой, никогда не была настоящим решением; Эммон разделил с ней Диколесье – тогда, на границе леса, когда стал ненадолго воплощенной магией, – лишь возложив руку ей на сердце.

Она немного подумала, коснулась ладонями осенних листьев и, чувствуя кожей их хруст, вжалась пальцами в лесную почву.

– Я хочу отпустить одно, – произнесла она, выждав мгновение. – Одно из страж-древ. Мне нужно одно снаружи, чтобы добраться до сестры. – Рэд испустила то ли смешок, то ли всхлип, то ли нечто между ними, безумное и надломленное. – Чтобы открыть запертые двери.

Она почувствовала себя немного глупо, заявляя о своих намерениях земле. Но тут ей вспомнился момент, когда она приняла в себя корни, когда в той сырой темнице под дворцом Валлейды она ясно объявила лесу о том, чего желала. Дала ему понять, что совершает этот выбор сама.

Сперва все затихло.

Потом раздался рев.

Рэд не сразу поняла, что звук исторгается из нее самой; нечто полыхнуло у нее в пальцах, взбежало по руке и вскипело вокруг сердца. Спина у нее выгнулась, но не от боли, а от чего-то большего, настолько превосходящего простое разделение на страдание и блаженство, что оно будто принадлежало иному, неведомому миру.

Внутри ее что-то трещало, выворачивался позвоночник, нечто жизненно важное вырывалось из глубин ее существа. Нечто более настоящее и в то же время более призрачное, чем любое из страж-древ; словно тело ее покидала душа.

Рэд стала и лесом внутри, и миром снаружи – она чувствовала, как часть ее естества отсекается и зарывается в землю, разнося ее сознание далеко за пределы ее собственного разума, в недра земли и во все то, чего эта часть касается.

Бесконечная. Всеведущая.

Рэд не просто качнула чаши весов – она перевернула их, опрокинула навзничь. Кровь и воля вывернули ее наизнанку, вынудили человека отступить внутрь и дали лесу выплеснуться вон, обращая ее в свет и ничем не скованную магию. Это было прекрасно, это было пьяняще.

И это сводило ее с ума.

Все до единой вены у нее налились зеленью, а потом вспыхнули золотом. Корни проросли у нее из ладоней, но кожа не трескалась – она побледнела, уплотнилась, и кора поползла по рукам Рэд к сердцу.

Она не просто выпускала страж-дерево. Она *становилась* им. Она и это дерево сливались воедино, и ее тело превращалось во врата.

Рэд скорее ощутила, чем увидела, как Эммон выметнулся на поляну, окинул взглядом ее и лежащее на земле зеркало и в мгновение ока понял, что именно она сделала. Длинно и громко выругался.

– Рэдарис!

По лесу разнесся *удар*. Он отозвался в глубине тела Рэд – в тех частях, что стали страж-древом, и в тех, что еще оставались человеком, – словно призыв.

В пальцах – в том, что было ее пальцами, а теперь стало корнями, зарывшимися в землю – Рэд чувствовала биение сердца. Не своего – ритм был иным, словно она дотянулась до кого-то, но уловить смогла лишь это.

По деревьям прокатилась ударная волна, и Эммон... изменился. Все, что проросло в нем Диколесье, ослепительно вспыхнуло, на миг делая его неразличимым. Там, где он стоял, осталась дыра, пустота в форме человека, не содержащая в себе ничего, кроме золотого сияния и тонких белых деревьев, будто кто-то использовал его тело вместо холста и изобразил портрет Диколесья.

Золотая нить леса, вплетенная в мысли Рэд, выгнулась и задрожала, рождая звенящий у нее в голове мелодичный отзвук, прекрасный и страшный одновременно. Ту руку, на которой гнезился Знак – теперь наполовину покрытую корой, – обожгло болью, словно под кожей у нее заточили солнечный свет.

– Отзови себя, Рэдарис! – зарычал на нее Эммон голосом, устеленным листьями и едва напоминающим человеческий. – Отзови себя обратно, ко мне.

Мысль о том, что можно просто *перестать*, показалась ей слишком простой. Да и хочет ли она переставать? Если все это необходимо для спасения Нив? Сколь сильные изменения могут считаться *слишком* сильными, когда так любишь?

Глаза Эммона. Янтарь, окруженный ярчайшей зеленью; омуты боли и пустоты.

– Прошу, Рэд. – Его голос, шуршащий листвой, охрипший и глухой. – Не уходи.

Не смей бросать меня здесь одну. Однажды она сказала ему это, здесь же, на поляне. Они поклялись друг другу в этом прежде, чем признались во всем остальном. И сейчас она не смела нарушить свою клятву.

Сцепив зубы и чувствуя во рту вкус коры и зеленого сока, Рэд потянула Диколесье назад, изъясняя свою волю земле, как сделала в самом начале.

Не так, подумала она, запуская слова, будто стрелы. *Дай мне другой способ.*

И Диколесье вздохнуло, словно только этого и ждало все время.

Сознание Рэд сжалось и вернулось в почти-человеческое тело, едва она вырвала себя из почвы. Ее пальцы поначалу еще оставались корнями, белыми и тонкими, но потом и они медленно втянулись, обретая обычную форму и кожу вместо коры. Рэд передернуло от боли.

В ладони у нее что-то лежало. Слишком сильно облепленное грязью, чтобы рассмотреть, – как будто она вытянула нечто из-под земли. Ей не хватило времени разобраться, что именно – поверхность под ней задрожала и выгнулась, будто спина пробудившегося чудовища. Рэд потеряла равновесие; она сунула нечто из ладони в карман блузки и уперлась руками в лесную почву.

Так же резко, как началось, землетрясение прошло.

И в зеркале по-прежнему не было ничего, кроме темных корней.

Горечь земли у нее во рту казалась вкусом поражения.

На другом краю поляны стоял Эммон с горящими зеленью глазами, вены на его закованных в кору запястьях резко выделились на покрытой шрамами коже. Он стал больше похож на лесное божество, чем на человека. Они с Рэд сверлили друг друга взглядами, и воздух между ними искрил.

– Что ты творишь? – процедил Эммон сквозь зубы, будто проклятие. – Что ты такое *творишь*, Рэд?

– Это казалось самым естественным. – Она поднялась на трясущихся ногах. – Ведь именно так раньше открывалось Тенеземье. Но я знала, что ты бы мне помешал.

– Точно, тени меня раздери. – Эммон двинулся на нее походкой хищника. – Я точно помешал бы тебе рассыпаться на куски без причины. Помешал бы испробовать заведомо самый опасный способ, даже не зная, сработает ли он.

– Она моя сестра, Эммон.

– А ты – моя *жена!* – почти рывкнул он, сгибая пальцы когтями. – И ты ждешь, что я стану сидеть и смотреть, как ты исчезаешь?

– Но ты же от меня этого ждал?

Рот у него резко захлопнулся.

Рэд закрыла глаза и тяжело, прерывисто вздохнула.

– Я не могла не попробовать.

Эммон замотал головой.

– Надо было сказать...

– *Что* тебе нужно?

Новый голос, источающий бесконечную язвительность, отвлек их обоих от гневного спора. Две пары измененных лесом глаз обратились к кромке поляны.

Файф стоял там с яростным лицом, оскалив зубы. Один рукав у него был задран, обнаженное предплечье он зажимал ладонью. Под его пальцами маяком сиял Знак Сделки.

Тот звон у нее в голове, то жжение в руке. Значит, Файф тоже их ощутил – отчаяние Эммона заставило Диколесье далеко разослать призыв.

Позади Файфа стояла Лира с нечитаемым выражением лица и широко раскрытыми желто-кариими глазами. Она перевела взгляд с Рэд на Эммона, стиснула губы и отвернулась.

– Файф? – В голосе Волка сквозило недоумение. Он своего Знака не касался; похоже, что и самого призыва не заметил, хотя Файфа и Рэд тот пронзил стрелой.

Она никогда не видела Файфа настолько обозленным. Веснушки горели на его бледном лице, а грудь у него вздымалась так, словно он промчался несколько миль.

– Ты *позвал*. – Это слово обратилось рычащим хрипом, будто Файф вцепился в него зубами. – Мы почти вернулись в Крепость, но *ты* позвал, и я должен был прийти. Я пришел. – Его рука рассекла воздух, указывая на окружающий их лес. – Так какого *хрена* тебе нужно, Эммон?

Рэд сглотнула.

– Это моя вина, – тихо призналась она, вставая между Файфом и Волком. – Я сделала глупость, и оно... Эммон запаниковал.

Лира по-прежнему стояла к ним спиной. Но от последнего слова плечи у нее напряглись, и Рэд услышала короткий дрожащий выдох.

– Это случайность, – пророкотал Эммон позади Рэд. Она посмотрела на него через плечо – он сжимал челюсть так, что было ясно: он злится, но только на себя; глаза его были скрыты в тени. – Ничуть не извиняющая меня, но я клянусь, Файф, что сделал это не намеренно. Ты знаешь... я надеюсь, ты знаешь, что я никогда не стал бы так отдавать тебе приказы.

– И все же ты это сделал. – Файф отпустил запястье; мерцание Знака как будто немного ослабло, но в его стиснутых зубах по-прежнему читалась мука. – Ты, Диколесье... все, чем вы стали вместе, притащило меня сюда. И это *больно*, Эммон. Короли и тени, это...

– Он знает, что это больно. – Рэд перебила его, резко и зло – злясь на себя, на Файфа, на Эммона, на все. – Никто лучше его не знает, как больно может делать Диколесье, Файф. Он же сказал тебе, что послал призыв не специально.

– Ты тоже его почувствовала? – Ореховые глаза Файфа метнулись к Рэд. – Или ты избавлена от призывов? Или только те, в ком нет магии, чувствуют боль?

– Почувствовала, – ответила Рэд, краем глаза заметив, как Эммон сгорбил плечи. И все же она сделала шаг вперед. – Все мы пытаемся понять, как теперь обстоят дела...

– Похоже, дела обстоят так, что Диколесье выражает мысли ничуть не лучше, чем прежде, а *ты* ничуть не научился его слушать.

Лира мягко опустила руку на плечо Файфа, обрывая его прежде, чем разговор примет худший оборот.

– Мы возвращаемся в Крепость. – Она через плечо бросила взгляд на Рэд и Эммона. – Думаю, вам лучше не ходить следом. Не сразу, по крайней мере.

Голос у нее был спокойный, но в нем звенела сталь. Она была потрясена и – Рэд это видела – едва держала себя в руках. Взгляд ее глаз был отстраненным, словно она прокручивала в сознании нечто новое, какую-то информацию, с которой пока не успела разобраться и смириться.

Понимание пришло быстро. Файф так и не сказал Лире о новой Сделке. Видимо, она узнала о случившемся только тогда, когда Файф получил призыв. Им нужно было время наедине. И, судя по ядовитым взглядам, которыми обменивались Файф и Эммон, приближаться к ним пока не стоило.

– Поговорим позже, – тихо сказала Рэд. Лире нужно будет с кем-то все обсудить. Рэд понимала, каково это, когда кто-то любимый принимает ради тебя тяжелейшие решения.

Теперь понимала вдвойне.

В последний раз одарив их горящим взглядом, Файф ушел в лес следом за Лирой. Прежде, чем они совсем скрылись из виду, Рэд заметила, что Лира взяла его за руку.

Вздыхнув, Рэд обернулась к своему Волку.

Эммон нависал над ней, глаза у него мерцали, вены на шее пульсировали зеленью. Его голос целиком наполнился шорохом листьев, не только слышимым, но и ощутимым, и Рэд знала, что он сделал так специально.

– Это было чрезвычайно глупо, Рэдарис.

– Я не могла отказаться от этого способа, даже не проверив, сработает ли он. – У Рэд не получилось бы нависнуть над ним в ответ, но она повторила его гневный взгляд, чувствуя, как шелестит в ее волосах разрастающийся плющ. – Я не могла не испробовать путь только потому, что он слишком трудный, как делаешь ты.

– Это несправедливо.

– Да, ничуть. Но мы с ней *двойняшки*. – Рэд тряхнула головой, повышая голос. – Ты не представляешь, каково это – терять часть себя!

– Не представляю? – Эммон одной рукой притянул Рэд к себе за бедро, а второй обхватил ее лицо. Грубо провел большим пальцем по ее щеке, чуть оттянув нижнюю губу. – Я потерял родителей. Я почти потерял *тебя*. – Покрытые шрамами пальцы дрогнули. – Я знаю, каков этот страх, и ты не заставишь меня почувствовать его еще раз.

Внутри у нее разгоралось пламя, подпитанное гневом.

– То есть теперь ты мне приказываешь?

– Безусловно.

И его губы вжались в ее, и она впилась ногтями в его плечи так, чтобы сделать больно, и оба они именно этого и желали. Освобождения. Облегчения. Гнев, страсть и растерянность сплелись воедино, и теперь им нашелся выход; нашелся способ сражаться и исцеляться одновременно. Его зубы вонзились в ее губу, и Рэд резко выдохнула, запуская пальцы ему в волосы.

Волк отстранился ровно настолько, чтобы окинуть ее взглядом, обхватил ее рукой за затылок, а второй пробежался по ее телу, стаскивая блузку. Горящие губы коснулись ее шеи, спустились к ключицам и сомкнулись на ее груди, заставляя Рэд выгнуть спину и превращая ее вздохи в стон.

Эммон облизнул ее, резко и грубо, и двинулся дальше. Он поцеловал низ ее живота и начал за пояс стаскивать с нее штаны, касаясь губами каждого дюйма обнажающейся кожи. Стянул их полностью – Рэд ухватилась за его плечи, чтобы ногами отпихнуть одежду в сторону, – и взглянул на нее снизу вверх, сидя на коленях на золотой листе, будто кающийся грешник; глаза у него горели, темные волосы растрепались.

– Ты никогда не позволяла мне терять себя, Рэд, – проговорил он охрипшим голосом, ни на миг не переставая гладить ее тело, будто не в силах до конца поверить, что может держать

ее в руках. – Ты тащила меня обратно каждый раз, даже когда я хотел тебя за это убить. А потому и я не позволю тебе потерять себя.

– Не потеряю. – Она ухватила за его рубашку, стянула ее через голову и отбросила к деревьям. Потом тоже опустилась на колени, желая касаться его всей кожей и прижиматься к его груди так сильно, чтобы его шрамы отпечатались на ее теле. – Я не стану терять себя.

– Да, тени меня раздери, ты не станешь. – Он прильнул к ней распахнутыми губами. – Ты не посмеешь заставлять меня так сильно в тебе нуждаться только для того, чтобы потом пойти и убить себя, пытаясь распечатать врата. Поняла?

Она не ответила, но каждое ее движение и то, как она прижала его к земле и устроилась у него на бедрах, сказали все за нее.

Волк не позволил ей там оставаться. Она пробыла сверху достаточно, чтобы внутри ее родилось знакомое тянущее чувство, достаточно, чтобы лбы у них обоих покрылись испариной, несмотря на прохладу вечной осени, но потом Эммон схватил Рэд за талию, перекатил ее вбок, опрокинул спиной на землю и навис сверху.

– Слишком быстро, – сказал он, склоняясь для поцелуя и выходя из нее. Прижался ртом к ее бедру, к нежной коже в самом его верху. – Так все закончится слишком быстро, а я хочу, чтобы ты запомнила.

Рэд собралась ответить, что никогда не забывала, но тут его губы приникли к ней, и ничего разборчивого она произнести не смогла.

Начав ласкать ее, Эммон не прекращал до тех пор, пока Рэд не унесло к звездам, а тянущий жар внутри ее не разорвался искрами несколько раз. И только потом он снова оказался над ней и в ней, упираясь руками в землю по обе стороны от ее головы и закрывая плечами солнце.

Они не разговаривали. Не было нужды. И когда они вместе достигли пика, Эммон ее целовал.

Потом они лежали обнаженными среди деревьев, подсунув под головы плащ Рэд. Она прижималась щекой к его груди и слушала пронизанный лесом стук его сердца. Мысли у нее текли медленно и вяло, тянулись густым сонным сиропом.

И она увидела туман.

Только что она лежала рядом с Эммоном, и вдруг оказалась на ногах, хотя по-прежнему как-то чувствовала рядом его кожу и полотно своего плаща под боком. Но, осмотревшись, она убедилась, что рядом никого нет, – Рэд была одна, совсем одна в тумане. Значит, ей все это виделось в полусне.

Здесь она снова была одета. Во что-то длинное, светлое и тонкое, похожее на тот наряд, что был на ней в ночь благословения ее жертвы Волку. Рэд скривилась, потянув за прозрачную ткань. Тоже порождение сна, собирающего кусочки жизни, памяти и мечтаний и нелепым образом их сплетающего.

Только вот скользящий вокруг туман словно бы ее... ошупывал. И еще Рэд понимала, совершенно ясно, что за ней наблюдают.

В такой любви ты нуждалась. Животной, и яростной, и способной пустить кровь.

Она подскочила, обернулась – насколько это возможно во сне – и, сощуриив глаза, всмотрелась в туман. Никто не появлялся, ничто не выдавало заговорившего с ней, хотя мужской голос и казался ей почти знакомым.

Это был сон, определенно, но чертовски странный сон.

От беспокойства у нее по лопаткам пробежали мурашки. Она скрестила руки.

– Ты кто?

Молчание длилось так долго, что она уже почти не ждала услышать ответ. И наконец: *Я не знаю точно.*

Туман медленно пополз в стороны, разлетаясь, как парок от дыхания в прохладном воздухе. И открыл ей, где она.

Дерево. Рэд оказалась в кроне дерева, прямо на огромной – шириной с ее собственный рост – ветви с пронизанной тонкими золотыми жилками белой корой.

Под ней, исчезая в бесконечном тумане, тянулся, казалось, на многие мили древесный ствол. Прищурившись, у самого основания этого непостижимо огромного дерева, окутанного снизу сумраком, можно было рассмотреть сплетения корней.

Почти такие же, какие она видела в зеркале.

Рэд упала на колени, склонилась над краем ветки так низко, как только осмелилась, и завопила в темноту:

– Нив!

Еще рано.

Голос казался усталым, но твердым, как у родителя, осадившего разыгравшееся дитя. *Твой ключ при тебе. Твоя половина древа внутри тебя, но ей придется пройти путь до своей половины и отыскать собственный ключ. Наберись терпения.*

Она нахмурилась. Голос доносился отовсюду разом, будто слова нашептывал сам туман. И все же он казался знакомым, словно неуловимое воспоминание, которое могло встать на свое место, стоило Рэд увидеть, кто с ней говорит. Она медленно поднялась и осторожно пошла к стволу.

Что-то на соседней ветке привлекло ее внимание, вспыхнув неестественно ярким цветом.

Яблоки. Три штуки – золотое, черное и кроваво-красное.

Дерево есть ключ и есть зеркало, снова заговорил голос, разлетаясь в тумане. Дерево есть, и его нет. Оно есть ты, и оно есть часть, хранимая в тебе.

– Я не понимаю, – пробормотала Рэд, не отрывая глаз от яблок.

Отзеркаленная сила и отзеркаленная любовь, отозвался голос. Вот что открывает Тенеземье. Открывает Сердцедрево. Открывает тебя.

– Это ровным счетом ничего не прояснило, – огрызнулась Рэд, но остаток едкого ответа застрял у нее в горле, как только она взглянула вперед.

Как только она увидела зеркало, растущее в стволе дерева.

То самое зеркало, которое она принесла с собой, которое так упрямо пыталась заставить показывать ей Нив. Сперва в нем отражалась она сама, наполовину лес, наполовину женщина, с дикими глазами и синяками от поцелуев. Потом по стеклу пробежала дрожь, и на миг проявился однотонный серый мир. И некто одновременно схожий с ней и совсем другой, с длинными черными волосами, темными провалами глаз и шипами на запястьях.

Нив.

Но едва Рэд бросилась вперед, забыв про ветку под ногами и бесконечную пустоту внизу, как сновидение исказилось и стало больше похоже на порождение ее усталого разума, чем на своеобразное подобие реальности. Шаги Рэд оказались слишком длинными и медленными, а вытянутые пальцы не сумели коснуться рамы зеркала. Оно провалилось назад и исчезло, а следом за ним в темноту упала и она сама.

– Рэд? – Эммон лежал на боку, согнув руку под ее головой и мягко сжимая Рэд в объятиях; в глазах у него плескалась тревога. – Ты закричала.

Она потянулась и разгладила морщинку между его бровями. Ответила:

– Прости. Странный сон.

Он нахмурился.

– Снова?

Рэд кивнула и села, растрепанная после сна и любви.

– Но ощущения совсем другие. – Она принялась искать свою разорванную в спешке блузку, неожиданно остро желая узнать, что именно она вытащила из-под земли. – Слово *Сердцедрево* тебе о чем-нибудь говорит?

Эммон нахмурился сильнее.

– Ничего очевидного, нет.

Блузка обнаружилась в десятке шагов – *черт, как он зашвырнул бедную итуковину* – повисшей на невысоком кусте ежевики. Рэд не стала выпутывать ткань из колючек и просто вытащила из кармана загадочное нечто, оставшееся у нее в ладони после того, как она чуть не превратилась в страж-дерево. Она постучала им об колено, сбивая засохшую грязь.

Это был ключ. Из белого дерева, пронизанный золотыми жилками, и все-таки определенно ключ. И, крепко сжав его в ладони, Рэд снова ощутила едва уловимое биение сердца, словно ключ либо сам был живым существом, либо был с таковым связан.

Она обернулась ко все еще растерянному Эммону, высоко поднимая свою находку.

– Чем бы оно ни было, – сказала она, – у него явно есть замок.

Глава восьмая

Нив

Поскольку лучше многих иных у Нив было отточено умение издеваться над собой, в пути она думала о Раффи.

Всепроникающий холод Тенеземья постоянно напоминал о его тепле. О теплых карих глазах, о теплой улыбке, о теплых губах, прижавшихся к ней в том их единственном поцелуе в покоях Нив – когда руки у нее были ледяными от магии, когда умерла ее мать, а Рэд все не возвращалась.

Он поцеловал ее так, словно хотел оттащить от края пропасти.

Но ведь в этом было и нечто еще, верно? Нечто большее, чем стремление спасти ее, сведенное к тому, что, по его мнению, могло сработать?

Нив сжала губы и попыталась все вспомнить, заново прокрутить их поцелуй в голове. Тогда она почти ни о чем не думала, кроме ощущения его близости и телесного, безотчетного порыва завладеть, пусть и на короткий миг, тем, что всегда казалось недоступным. В этом была вся суть выросших между ними чувств, сильных и пьянящих: в понимании того, что никогда ничего не будет. А потом оно случилось – только вот что это вообще было?

Попытка выручить. Раффи бросил ей спасательный круг, дал уцепиться за что-то, когда все остальное, за что она хваталась, ускользало у нее из рук.

Нив нахмурилась оттого, как сухо и строго об этом думает. И оттого, что силится вспомнить какие-то чувства, когда способна назвать только отчаяние.

Задолго до того, как они с Раффи принялись кружить по орбитам друг друга, словно готовые столкнуться звезды, он был ей другом. И в конечном счете именно это она ощутила в том поцелуе, каким бы пламенным и глубоким он ни был. Отчаяние друга, боявшегося потерять ее перед лицом непостижимой для них обоих тьмы.

Ты не можешь сделать ничего такого, что заставило бы меня разлюбить тебя.

Так он сказал ей о своей любви. Может, и признался, да, но не удивил – разумеется, они любили друг друга, в этом никогда не было сомнений. Но оттенки и особенности этих чувств, их грани и сочетание друг с другом... вот что было сложно.

Она не ответила ему тогда. И много раз думала об этом после того, как все случилось. Она не ответила, так должна ли теперь чувствовать себя виноватой? Ведь ее слова не были бы ложью, но и правдой без оговорок не оказались бы, и все же не лучше ли было хоть так, чем просто промолчать?

Нив гадала, что он сейчас делает. Представляла, что они скажут друг другу, если снова встретятся. Пыталась решить, что бы она *хотела* от него услышать.

Потом мысли о Раффи сменились мыслями об Арике, а это, в свою очередь, вынудило ее думать о Солмире – Солмире-якобы-Арике, нацепившем личину ее нареченного и подмявшем их всех под свои планы, будто они были не более чем инструментами.

Она сердито уставилась на него – четко, с прямой спиной шагавшего через лес. Слабость, одолевшая его после того, как он вобрал магию, сошла на нет, темная сила улеглась у него внутри. Сосуд – так он себя назвал. Это слово назойливо крутилось у нее в мыслях, будто означая нечто большее, будто являясь частью чего-то важного. Но Нив не могла вспомнить, чего именно.

– Береги голову.

Его негромкий голос резко вырвал ее из раздумий. Солмир впереди стоял к ней лицом и указывал вверх, на низкие ветки – корни – перевернутых деревьев.

Паутина. Из тонких, как шелк, нитей, почти невидимая, но все равно плотная, клубами повисшая в воздухе. Нив скривилась.

– Ненавижу пауков, – пробормотала она негромко, почти себе под нос.

– Я тоже, – отозвался Солмир, отворачиваясь и подныривая под тонкие сети.

Нив поджала губы. Ничего общего, кроме стремления вернуть ее обратно в родной мир и – при лучшем исходе – убийства других Королей, она с Солмиром иметь не желала.

Ее до сих пор преследовала память о моментах необъяснимой мягкости, которую он порой выказывал, еще притворяясь Ариком. О том, как он вел себя, одновременно осторожно и заботливо. Нив не до конца понимала, какая часть этого была призвана создавать убедительную личину Арика и заполнять собой бреши в неизвестном Королю образе ее нареченного. Но ей казалось, что не все было лишь маской.

И здесь, внизу, в своем собственном теле, он по-прежнему был внимателен. Не так очевидно, как раньше, но это все равно проявлялось вспышками и в том, как он обращался с ней, и в том, как вел ее по этому миру. Отдав ей свой плащ. Напевая колыбельную.

Ей никак не удавалось определить, каков он, а Нив терпеть не могла того, что не способна была просчитать. Она всегда хорошо соображала и умела вмиг разгадывать людей, понимать их устремления и возможную полезность для себя. Но образ Солмира от нее ускользал, и это беспокоило.

Он в ней нуждался. И пока что она нуждалась в нем – Нив не смогла бы отыскать Древних в подземном мире в одиночку. Прямо сейчас Солмир являлся необходимым злом.

Но если когда-нибудь он перестанет таковым быть... что ж. Тогда она, возможно, все пересмотрит.

Какое-то время спустя деревья расступились и открыли вид на серый простор. Когда-то здесь было поле – местами сухие клочки мертвой травы по-прежнему торчали из земли, упрямо цепляясь корнями за растрескавшийся грунт. В остальном же от поля осталась только бескрайняя, исчезающая вдали равнина, безбрежная и пустая, за исключением фигуры Солмира, ушедшего вперед.

Рокот начался едва слышно, подобрался к ним под землей, задрожал под подошвами сапог Нив. Она подняла взгляд и увидела, что Солмир смотрит на нее широко распахнутыми синими глазами.

– На колени, – произнес он, и, хотя в любых других обстоятельствах Нив точно рассвирепела бы от таких слов, сейчас она подчинилась.

Своевременно.

Земля задрожала, будто готовая разверзнуться, и изрыгнула в стылый воздух рев такой мощи, что у Нив клацнули зубы. А потом *действительно* разверзлась – сухая пыльная почва пошла изломами, которые с грохотом разрастались, являя в провалах бездны непроглядной тьмы.

Трещина толщиной с волос появилась и быстро обратилась в расщелину прямо около рук Нив. Та попыталась отползти прочь, но из-за ходившей ходуном земли было почти невозможно управлять собственными движениями, а вокруг уже росли новые разломы, превращая место, на котором она скорчилась, в стремительно тающий безопасный островок.

– Нивира!

Солмир, шатаясь, подобрался к ней, подскакивая от толчков, как монета в жестяной кружке. Он резко менял направление, огибая растущие трещины и взбивая ногами облака серой пыли. Не-совсем-небо заполнили рев содрогающейся земли и грохот летящего в провалы грунта. Звуки мира, рвущего себя на куски.

Солмир метнулся над расщелиной и опустился, подобравшись, рядом с Нив.

– Простите мою непочтительность, Ваше Величество, – прошипел он, сгреб ее в охапку и перепрыгнул через растущий провал на более крупный участок целой почвы. Приземлившись,

он не удержал равновесие, и они вдвоем растянулись в пыли. Солмир успел обхватить голову Нив руками, прикрыв ей виски, но затылком она приложилась так, что в глазах помутнело и боль искрами вспыхнула в черепе.

Клубы черного дыма вырывались из расщелин, словно пар из зевающих ртов, и вихрями уносились в серый туман, притворявшийся небом. Их визгливое бормотание было слышно даже сквозь вой трясущейся земли – магия освобождалась, отвязывалась от мира, что рассыпался на части.

Солмир подскочил, нависая над Нив, будто хищник, сторожащий добычу. Вскинул руки и с ревом призвал в себя всю одичавшую магию.

Это выглядело так, словно на него бросился рой шершней. Беспорядочные, бессмысленные визги слились воедино, и магия взвыла, устремляясь к Солмиру, влетая в его раскрытые ладони и заливая его тенями от пальцев до локтей и выше. Она прибывала и прибывала, казалось, бесконечной волной, вздымавшейся из-под земли напрямиком в его жаждущие руки.

Он закричал; хриплый вопль мог быть и болью, и яростью, и обоими сразу, и это напугало Нив больше, чем что-либо доселе слышанное в Тенеземье, больше, чем все, что ей довелось повстречать. Казалось, с этим звуком нечто распадается на части, и она зажала ладонями уши, пытаясь его заглушить.

Все это время земля продолжала трястись. Уцелевший остров под ними пока еще держался, но все же медленно крошился по краям, их безопасное место расслаивалось, пока Солмир стоял, кричал и вбирал в себя больше тьмы, чем кто-либо способен был удержать.

Потом натиск теней наконец прекратился. Солмир скорчился, ударившись ладонями и коленями о пыльный грунт, спина у него вздымалась, а по коже ползали чернильные тени, вспыхивая, будто неправильные светлячки. Шипы длиной с палец выросли у него из предплечий, разорвав ткань рубашки. Ногти изогнулись когтями.

Падший бог обернулся чудовищем.

Нив метнулась назад, прочь от него, прочь от изуродованного создания, каким он не позволял стать ей самой. Она вспомнила тот странный сон, пришедший к ней в хижине, и собственное отражение в зеркале.

Солмир медленно поднял голову. В нижнюю губу его впивались клыки, зубы стали длинными и острыми. Чернота наводнила его глаза, но радужки по-прежнему пылали нестерпимой синевой. Выдавая, что душа все еще была в нем, все еще боролась.

Но, пока он смотрел на Нив, синева эта неверно мерцала.

Солмир шатко поднялся, ноги у него тоже стали длиннее, суставы казались нелепо вывернутыми. Но даже так он сохранил величественную осанку и по-прежнему грациозно двинулся по изломанной земле в сторону Нив; лицо его ничего не выражало, лишь непроизвольный насмешливый оскал из-за слишком длинных зубов кривил ему рот.

Отчаянно пытаясь не подпускать его ближе, Нив шарахнулась назад по пыльной земле, выставив руки за спину. Но одна ладонь провалилась в пустоту, почти лишив ее равновесия – ей некуда было деться, некуда было бежать.

Поэтому она заставила себя встать, вытянулась во весь рост и постаралась скрыть дрожь от приближавшегося монстра.

В нескольких дюймах от нее Солмир остановился. Тени металась у него в глазах, но синева еще держалась, хотя по напряженным мышцам и было понятно, каких усилий это стоит его телу.

Одна когтистая, покрытая тонкой корочкой льда рука потянулась к лицу Нив и замерла, почти коснувшись ее кожи. Нив не позволила себе отстраниться, не позволила себе отвести взгляд от его глаз, застилавшихся чернотой и снова светлевших. Она не представляла, чего ждать от него, поглощенного тьмой: последние хлипкие ниточки человечности, за которую

он цеплялся, очевидно расползались под натиском силы. Не представляла, но показывать ему свой страх не собиралась.

Глаза у него блеснули, придав знакомое выражение изменившемуся лицу – он что-то взвешивал. Потом Солмир отвел от нее когти, словно приняв решение. И в тот же миг отвернулся и раскинул в сером воздухе руки, из которых хлестнули, будто кровь из вспоротых артерий, бурлящие ежевичные плети.

Постепенно их поток стал слабее, шипы испарялись серым дымом, едва вырываясь из ладоней Солмира. Тот снова рухнул на колени, сгорбившись и тяжело дыша, пока колючая магическая поросль изливалась из его пальцев. Когти на них втянулись, чернота в его венах таяла. Нив не нужно было смотреть ему в лицо, чтобы понять, что в глаза его вернулась синева, а зубы укоротились обратно.

Он стал чудовищем, а потом чудовищность вытекла из него прочь. Насколько же преходящей была человеческая сущность в этом мире.

– Зачем ты так поступил? – спросила Нив шепотом, разлетевшимся по пустой равнине. – Зачем вобрал всю эту магию, если знал, что она сделает из тебя... сделает такое?

В голосе у нее дрожало беспокойство. Ей не хватило сил, чтобы попытаться его скрыть.

– Потому что иначе она досталась бы Королям. – Солмир медленно поднялся. Провел рукой по волосам, словно тревожился, что они растрепались за то время, пока он был монстром. – А так, хоть нам и пришлось часть потратить впустую, она теперь использованная и никчемная, и *они* ее не получают.

Он снова стал собой, нестерпимо красивым мужчиной с нестерпимо холодными глазами.

– Что ты хотел сделать? – спросила Нив, все еще тихо, все еще обеспокоенно. – Когда подошел ко мне...

Солмир моргнул. На краткий миг отвел взгляд куда-то ей за спину вместо того, чтобы смотреть в глаза.

– Собирался отдать тебе часть магии, – ответил он сухо и спокойно, вопреки тому, что челюсть у него едва заметно дрогнула. – Силы было слишком много, меня почти захлестнуло, и я не знал, смогу ли ее отпустить.

– Тогда почему не отдал?

Солмир помолчал, прежде чем ответить, и тяжело, заметно дернув кадыком, сглотнул.

– Потому что ты была в ужасе, Нивира, – произнес он. – И магии оказалось так много, что имевшее смысл количество я мог передать тебе только поцелуем. А этого я делать не собирался. Не при том, как ты на меня смотрела.

Договорив, он шагнул мимо нее и направился к бесконечному серому горизонту. Нив мгновение хмурилась ему в спину, прежде чем пойти следом.

Осторожность, предупредительность. Качества, что он выказывал на поверхности, здесь, внизу, казались ей смутно опасными. Нив не желала его заботы – которая все только усложняла, – но и боялась того, каким предстанет подземный мир, если Солмир откажет ей в этой заботе.

Какое-то время они шли молча, потом Нив наконец снова заговорила, не до конца понимая, как задать вопрос.

– Твои глаза...

Солмир шагнул, нервно проворачивая серебряное кольцо на большом пальце кончиком указательного.

– Что с ними?

– Они тоже почти почернели.

Он пожал плечами.

– Удерживать в себе и душу, и такое обилие силы одновременно – то еще искусство. Душа и магия Тенеземья – не из тех вещей, что могут сосуществовать, по крайней мере, если не

задаваться целью сохранить и то, и другое. – Он запрокинул голову к серому небу, таившему вдалеке смутно видимые тонкие корни, похожие на вытянутые облака. – Может быть, я *хочу* себе ту медаль.

Отсылка к ее недавней шпильке могла бы вынудить Нив закатить глаза, если бы она не была так сосредоточена на вопросе о магии и душах.

– Это произошло с Рэд?

Солмир резко остановился и обернулся к ней, сложив руки на груди; рассеянный свет Тенеземья окутывал его фигуру.

– Нет, – ответил он наконец почти мягко, или настолько мягко, насколько позволял его голос. – У Диколесья иная магия. Она... живет в гармонии с душой, если можно так выразиться. Усиливает ее вместо того, чтобы полностью поглотить. Душа Рэдарис цела. – Он вздернул бровь и усмехнулся. – Такая же упрямая и докучливая, как и прежде.

Нив тоже против воли чуть заметно улыбнулась.

– Хорошо, – пробормотала она. – Это хорошо.

Солмир еще мгновение смотрел на нее с нечитаемым выражением на лице, по-прежнему крутя на пальце кольцо. Рукава его рубашки были безнадежно разорваны проросшими шипами, и татуировка на плече оказалась на виду. Три линии, сверху – самая широкая, в середине – пересеченная крошечными штрихами, внизу – совсем тонкая и простая.

Он развернулся на пятке и снова пошел через пустошь.

– Рад слышать, что тебе это кажется хорошим, – сказал он. – Уверен, что душа Рэдарис ей намного нужнее, чем мне – моя.

Глава девятая

Раффи

От Святилища его бросало в дрожь.

В общем-то, так было всегда. Он никогда не мог назвать себя религиозным; в большинстве стран на повседневной основе охотнее поклонялись героям устных сказаний и местных легенд, такая вера была проще и ближе к народу. У всех, кроме жриц Ордена – и несчастливого плодовитых королев Валлейды, – отношения с Королями были простыми. Люди зажигали красную свечку пару раз в год, выдавали замуж в белом и хоронили в черном, но в целом религия, выросшая вокруг Пяти Королей, была не слишком требовательной к тем, кто ее исповедовал.

Раффи очень хотелось бы вновь оказаться от нее настолько далеко.

Он стоял во второй комнате Святилища, будто на краю обрыва, плотно прижав руки к бокам и сгорбив плечи. Записка от Рэд, что передал ему Файф, была зажата у него в пальцах – так много слов, говоривших лишь о том, что снова нет новостей, снова нет ни следа Нив, снова нет ничего. Прошел еще один день отсутствия королевы Валлейды, и знал об этом только он.

Ну. Он и Каю.

– Дерьмо, – пробормотал Раффи, комкая письмо в руке.

Обломанные ветви во второй комнате Святилища выглядели немного потрепанными после нападения Нив, но не существенно. Чуть более кривые, чуть более сухие, они все равно уверенно высились над каменными основаниями, и хотя на полу виднелись пятна крови, на ветках от нее не осталось и следа.

Не то чтобы Святилище вообще было теперь необходимо. Едва ли кто-то здесь молился, кроме жриц, а те все до одной находились в Рильте, высланные или Нив, или им самим. Он не знал, как обстоят дела в Святилищах других стран, но Валлейда всегда считалась самой набожной. Их религия медленно умирала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.